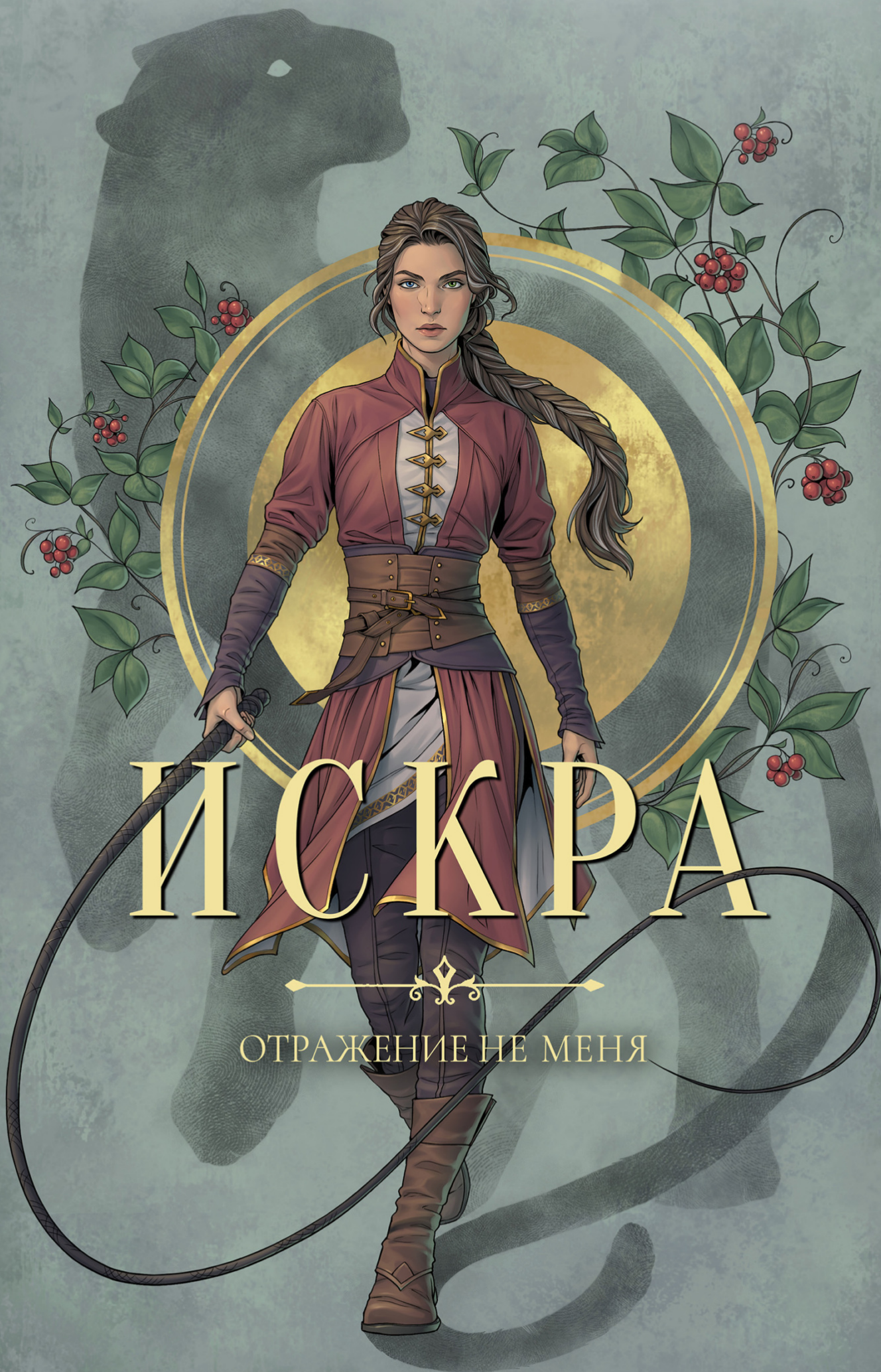

МАРИНА СУРЖЕВСКАЯ

ИСКРА

ОТРАЖЕНИЕ НЕ МЕНЯ

Отражение не меня

Марина Суржевская

Отражение не меня. Искра

«Марина Суржевская»

2018

Суржевская М.

Отражение не меня. Искра / М. Суржевская — «Марина Суржевская», 2018 — (Отражение не меня)

Отражение Света и Тьмы приходит в этот мир лишь раз в сто лет, и никто не знает, как оно выглядит, есть лишь древнее пророчество на старом свитке и неясные указания. Но когда загорится синяя Звезда Забвения, Отражение должно быть инициировано. Оно должно полюбить и отдать свою силу, чтобы Свет продолжал защищать Пятиземелье от темноты и проклятых. Отражение уже рождено, и охота началась. Ведь и светлым, и темным нужна эта сила, способная изменить мир. Вот только никто не спросил, чего хочет само Отражение. И никто не расскажет, почему ему нельзя любить...

© Суржевская М., 2018

© Марина Суржевская, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Марина Суржевская

Отражение не меня. Искра

Пролог

Светлые отступили, ушли за зону Сумрака, за ледяной полог. Они снова прогнали стражей Света, хоть и ценой собственной крови и испитой Светлыми воинами магии. Шариссар тяжело сбросил броню – слишком много сил потратил, и оборот в человека давался с трудом. Будь его воля – не оборачивался бы вовсе, упал на все четыре лапы и проспал пару дней. Все, чего хотело израненное тело – отдыха. Но королева ждет, и она не любит, когда он приходит к ней зверем.

Кожа без брони кажется слишком уязвимой, беззащитной. Но оборачиваться нужно, иначе можно совсем одичать и не заметить, как уходит сознание. Аик подал паладину мокрую холстину, и Шариссар благодарно кивнул. На границе купален нет, но кровь и грязь стереть хочется. Быстро обтерся и надел чистую одежду, пристегнул оружие.

– Арка уже готова, господин, – склонил голову его верный оруженосец. Шариссар, проходя, хлопнул его по плечу и вздохнул. Королева ждет. А ждать слишком долго она не любит.

Арку проводник поставил на пригорке, там, где было меньше трупов. Впрочем, убитых уже обходили Поднимающие, придирчиво рассматривали тела. Разорванные клыками или сожженные синим пламенем, конечно, уже ни на что не годятся, а вот более-менее целые еще послужат на благо Оххарона. Воины из мертвых не получаются – слишком медлительны, и даже полное отсутствие эмоций не помогает. Зато выходят отличные слуги – безропотные, молчаливые и услужливые. Если Поднимающий не сплоховал, то прослужить Бездушные могут довольно долго. А самое главное их достоинство – такой слуга никогда не разболтает хозяйские секреты, не засунет любопытный нос в спальню и не продаст за долю Света. Единственное – Бездушных не стоит использовать на кухне. Все-таки выловить в тарелке супа чужой палец или глаз не слишком приятно, хотя паладин Мрака за годы войны и дохлых крыс не раз ел, ему не привыкать. Но вот впечатлительные леди от таких фокусов теряют аппетит. Хотя Бездушные не виноваты: как ни силен Поднимающий, но мертвое тело все равно мертво. И ток магии и Тьмы внутри него не заменит живой крови и Света.

– Господин, – проводник согнулся в поясе так, что седые космы упали на землю. – Арка во дворец к вашим услугам.

Шариссар окинул взглядом поле битвы.

Много потерь. Плохо.

Светлым на этот раз удалось прорвать ледяной полог, найти точку разрыва. И это нужно как-то объяснить Ее Величеству. И сделать это придется ему. Ну, что ж...

Он набрал воздуха и шагнул в подпространство арки. Тело привычно свело дрожью, а его внутренности завибрировали от разрывающей силы. Но проводник паладина, хоть и старик, свое дело знал: пространство он сжимал мастерски, и его арки были не только надежные, но и короткие. Так что Шариссар вышел почти сразу, не успев помучиться. Стражи Мрака встретили его направленными в сердце клинками или полной броней. Паладин усмехнулся, махнул рукой.

– Неплохо, – похвалил он. Специально ведь велел проводнику сделать выход в дальнем конце дворцового парка, чтобы проверить бдительность стражей. Но они снова сработали на совесть. Хотя...

Оборачиваться он не стал, решив испытать их оборону в человеческом облике. Черная сталь двойных клинков стала продолжением ладоней, два разворота, и он ударил в стража, что

стоял с краю. Тот сломался через миг, хоть и ожидал нападения, но Шариссар успел пробить ему грудную клетку до того, как стрелы ударились в защитный барьер. Паладин гневно развернулся, остановил тяжелый взгляд на старшем. Дозорный присел, прижимая голову к земле и убирая когти на лапах.

– Если бы я обернулся, то уже успел бы добежать до самых ворот, – недовольно бросил Шариссар. – Зайдешь ко мне через час.

Страж смотрел красными звериными глазами, понимая, что ничего хорошего этот визит ему не принесет. Сам виноват. Надо думать, когда расставляешь заслон: вместо паладина из арки могли выйти Светлые, ящеры или Двуликие. Такой просчет может дорого обойтись, а за свои ошибки надо платить.

Шариссар развернулся и пошел по дорожке между каменными деревьями. Они сверкали малахитовой зеленью и горели красными прожилками даже сейчас, когда парк погружался в третьи сумерки, и над хрустальным шпилем мерцала Звезда Мрака. Огненное Сердце на башне наливалось кровью, и паладин потянул Темную силу – жадно, истово, ошущая, как затягиваются его раны. В голове слегка зашумело, и он прервал поток. Пока достаточно. Высший паладин Тьмы не хотел являться к королеве хмельным...

Она уже ждала его, он чувствовал. Звала. Если бы не звала, даже он не смог бы найти повелительницу. Но она звала, и этому зову невозможно было противиться. Впрочем, паладин этого и не хотел. Предвкушение наполнило нутро томлением и горечью, сладким кровавым привкусом ожидания.

Поднялся по белым ступеням, уже по привычке отмечая невидимых воинов, вмурованных в хрусталь стен. Они, обездвиженные века назад, все еще живы, охраняя подступы к королевским чертогам. Три десятка сильнейших магов королевства, влитые в хрусталь живьем и ставшие единым целым с башней. Их боль и ненависть сделала эти стены почти несокрушимыми, напоила тьмой и силой вечной смерти. Их взгляды провожали Шариссара, и в сумраке синих глаз он видел насмешку. Ни живые и ни мертвые, они всегда смеялись над теми, кто шел к королеве.

Стекло лестницы под ногами паладина истончалось и на четвертом пролете исчезло вовсе. Но он слишком давно служил королеве, чтобы бояться шагнуть в пустоту. Шариссар ступил на невидимую глазу ступеньку без страха.

Лиария ждала наверху, почти возле огненного Сердца, и ее зов заставлял кровь бурлить в жилах паладина. Он прошел последний пролет и толкнул дверь, выходя на открытую площадку. Она стояла к нему спиной, сегодня на ней было красное – дань погибшим воинам и их пролитой крови. Белые волосы развевал ветер, играл с прядями, как ласковый любовник. Шариссар молчал, понимая, что королева давно услышала его.

Сердце Оххарона пульсировало, заливая башню багровым светом и тьмой, и паладина снова повело от силы и черной магии. Даже заслоны не помогали: здесь ее было слишком много, больше, чем воздуха, больше, чем жизни. И от Тьмы, и крови он хмелел, хотелось пить их жадно, до одури, до потери человечности, до обращения, до безумия! Шариссар сжал зубы и укрепил внутри себя барьер, отрезая сознание от столь притягательной бездны. Лиария тихонько засмеялась и обернулась.

– Твой самоконтроль всегда удивлял меня, Высший паладин Мрака. Даже я не могу растопить холодную сдержанность своего стража.

– Вам стоит лишь приказать, Ваше Величество, – он опустился на колено и склонил голову. Алые шелковые туфельки остановились около стража, когда королева подошла, и холодные пальцы прикоснулись к его щеке.

– Встань.

Он поднялся, посмотрел на нее сверху вниз. Лиария закинула голову, рассматривая его, а Шариссар снова сжал зубы. Синие глаза Темного народа смотрели, казалось, прямо в душу. Если бы она у него была.

– Сердце Оххарона напилось кровью, Шариссар, – ее губы сложились в усмешку. – Но, к сожалению, не только кровью Светлых. Скольких мы потеряли?

– Четыре взвода почти целиком, – он смотрел в ее прекрасное лицо, не отрываясь. – Светлые нашли точку разрыва, Ваше Величество. Уже третий раз. Звезда Вечности уже горит на небосводе, и реальность нестабильна. Ледяной полог все чаще прорывается. В мир пришло Отражение.

– Я помню предсказание, страж! – в голосе королевы зазвенел лед. – Однако ты прав. И знаешь, что делать дальше.

Он помолчал, раздумывая.

– Мы можем отправить через границу лазутчика, Ваше Величество. Но его придется отрезать от Оххарона. И нам нужен сильный маг, вы же понимаете, что слабый без кровной нити долго не протянет. Я могу выбрать кандидата по своему усмотрению?

– Я доверяю тебе, – синие глаза налились тьмой и почернели. – Отражение необходимо найти. И уничтожить.

– Будет исполнено, Ваше Величество, – отозвался он.

Лиария отошла и застыла на самом краю площадки, чуть покачиваясь от порывов ветра. Он подавил в себе безотчетное желание приблизиться к ней, чтобы удержать. Или чтобы помочь упасть?

Шариссар спешно укрепил внутри себя заслон, тревожно прислушиваясь к своим чувствам и пытаясь понять, не услышала ли Лиария отголосок его мысли? Даже не мысли – мимолетного желания, неясного и тайного? Но королева стояла спокойно, и даже волосы ее не шевелились, укрывая тонкую спину белым плащом. Лиарии надоело играть с ветром и она его прогнала.

– Ты уже выбрал, кто перейдет границу? – она не спрашивала – утверждала, зная склонность паладина готовить все варианты и предложения заранее.

– Я предложил бы свою кандидатуру, – безэмоционально сказал Шариссар.

– Нет! – Лиария сверкнула синева глаз. – Ты нужен мне в Оххароне.

– Тогда второй страж чертогов, Нортон Четырехпалый, Ваше Величество. – Паладин никак не отреагировал на отказ королевы. Впрочем, он в нем не сомневался.

– Хорошо, – она обернулась через плечо. Ветер приподнял подол красного платья, завертел кровавой пеной вокруг точеных ног. Королева чуть улыбнулась. – Почему он?

– Нортон один из немногих, кто способен продержаться без нити Оххарона достаточно долго, чтобы найти Отражение. И обезвредить.

– Нортон сильный маг, – Лиария развернулась, застыв на краю бездны. – Один из сильнейших. Хорошо. Пусть так. Готовьте стража к переходу, я оборву его нить на рассвете.

– Слушаюсь, Ваше Величество.

– Поклонись Сердцу Оххарона, Шариссар. Ты ослаблен, а мне нужен сильный паладин.

Он вскинул голову, всматриваясь в совершенное лицо королевы. Насмешка не ускользнула от его взгляда – страж заметил ее отголосок в синих глазах. Лиария не терпела своеволия. А нежелание Шариссара раствориться во власти Оххарона, разве не проявление вольнодумства?

Она качнулась, белые волосы взлетели и поплыли в багровом свете, источаемом Сердцем. А потом упала вниз, сорвавшись в пропасть, красное платье пролилось на землю кровью, а сама королева растворилась во мраке.

Шариссар вздохнул чуть свободнее. Аудиенция закончилась, а прощаниями королева себя никогда не утруждала. Без присутствия Лиарии стало чуть легче, хотя разве можно сказать, что ее здесь нет? А оспорить прямой приказ повелительницы он не мог.

Паладин шагнул к углублению, над которым пылало Сердце. Кровь десятка жертв наполнила каменную чашу, живая сила убитых заставляла его биться. Неторопливо разделся, сложил одежду на бортике, сжал в руке кинжал. И ступил в темную, почти черную кровь, лег на спину, не отрывая глаз от пульсирующего Сердца Оххарона. Разрезал себе запястье и опустил руку, позволяя своей крови смешиваться с багряной жидкостью вокруг него. Тьма закружила голову так сильно, что он чуть не закричал, дыхание вырывалось из горла тяжело, драло глотку, разрезало битым стеклом. Тело выгибалось, и сладкий вкус чужой крови наполнял нутро. Первое погружение самое болезненное, потом стало легче, как только Оххарон узнал и принял его кровь. Тело стража расслабилось, воздух вернулся, а потом накатило наслаждение. Сильное, почти невыносимое, болезненное наслаждение, от которого он все-таки закричал.

– Ты молчишь, когда тебе больно, но не можешь удержать крик удовольствия, да, Шариссар?

Тонкие руки обвили его шею. Лиария выплыла из черной крови и прижалась к паладину. Страж не отвечал, лишь тяжело дышал, ощущая ее тонкое тело.

– Порой мне кажется, что ты забываешь, кому служишь, Шариссар! – в голосе Лиарии скользнул гнев.

– Вам стоит лишь приказать, Ваше Величество, – выдохнул он.

– Приказать... Лишь приказать... – в ее голосе злости стало больше, и Сердце Оххарона запульсировало быстрее. Кровь в чаше вскипела, забурилась, вскрылась пузырями. Лиария провела ладонью по его телу, лаская и дразня. Паладин молчал и не двигался, хотя его тело дрожало от желания. Лиария вновь провела языком по его губам. – Что ж... Тогда я приказываю тебе, мой паладин. Приказываю полюбить меня...

– Мое сердце принадлежит Оххарону, Ваше Величество, – он откинул голову на бортик, безучастно глядя в синие глаза королевы. И она по опыту знала, что не сможет добиться от него большего, даже если разрезать стража на куски.

– Ты сожалеешь? – прошептала она.

– Я ни о чем не сожалею, Ваше Величество, – равнодушно ответил страж. Его раны затянулись полностью, оставив несколько новых шрамов. Королева откинула белые волосы, глядя на стража, и снова ушла с головой в темную кровь.

Глава 1

– Элея, ты снова напутала! Ну куда это годится? – Кори сердито ткнула пальцем в переплетение ниточек на полотне. – Кто это купит? Да никто! За сто лье видно брак! Элея, ты меня слушаешь?

– Простите, я задумалась, – очнулась я.

Женщина сердито засопела.

– Мне надоела твоя невнимательность, Элея! И я не могу платить тебе за то, что ты портишь полотно! И вычту из твоей платы ущерб. Молись, чтобы заказчик оплатил твою работу!

– Да, госпожа Кори, – хозяйка швейной мастерской отошла, а я огорченно рассмотрела узелки на ткани и вздохнула. Неумеха, вот кто я. Ни на что негодная, безрукая неумеха! Закусила губу, чтобы удержать слезы, но тут же сердито тряхнула головой. Вот еще! Не буду я плакать из-за такой ерунды! Не дождетесь! Но если Кори не заплатит, мне не на что будет купить еду и оплатить комнатуху на чердаке.

Подышала, заставляя себя успокоиться и вновь приняться за работу. Пальцы не слушались, дрожали, и я подула на них, согревая. В закутке, где сидела, было холодно – тепло камина сюда почти не доходило, а от окна ощутимо дуло. Руки мерзли и теряли чувствительность, нитки путались в непослушных пальцах, вызывая злость. Я стиснула зубы, вновь запрещая себе плакать, и сосредоточилась на вышивании. Повезло, что вообще получила этот заказ, и надо постараться его не испортить.

Ринка посмотрела сочувственно с другого конца комнаты, но промолчала. Остальные швеи даже не повернулись в мою сторону, демонстрируя свое отношение к полукровке. Я еще ниже склонилась над пяльцами. Предательская слеза все-таки скатилась на ткань, и я сердито смахнула с лица влагу.

Эх, если бы можно было с помощью Света исполнить мое желание! Всего одно! Мне не нужны груды золота или волшебные превращения, я бы просто изменила цвет глаз. Только и всего. Вернее, всего одного глаза! И почему мне так не повезло родиться с глазами разного цвета? Правый зеленый, а левый... Если бы можно было избавиться от этой предательской синева, из-за которой все отворачиваются и смотрят косо!

Тория даже советовала мне ходить в черной повязке, закрывающей синий глаз, но я снимала ее из чувства противоречия. Хотя Тория называла это просто вредностью. И я не могла объяснить женщине, воспитавшей меня, что мне претит подобное. Я ни в чем не виновата, я родилась такой и не собираюсь прятаться под уродливой повязкой!

Как всегда при воспоминании о Тории накатила грусть. Она была простой женщиной, сельской учительницей, но меня любила, как дочь. И я была благодарна ей. Жаль, что боги отмерили Тории слишком короткую жизнь. Она сгорела за несколько дней от пришедшего в деревню болотного мора. В свои неполные четырнадцать я ухаживала за ней, вопреки запретам местной целительницы, но увы... не смогла отобрать у смерти. Перед кончиной Тория все твердила о том, что мне нужно бежать от магов, спастись самой и спасти сестру. Но ничего толком так и не рассказала – не успела, впад в беспамятство.

Меня мор обошел стороной. Но, к сожалению, по приказу деревенского старосты домик Тории сожгли вместе со всем имуществом. Так делали всегда: болотный мор слишком опасен, а дерево и ткань способны надолго сохранять заразу. Наверное, я всегда буду помнить тот день. Плающие костры, в которых сгорали дома заболевших. Огонь был магическим, его разводил вызванный из города маг, и он не перекидывался на другие строения. У пламени был неприятный зеленоватый оттенок, призрачный и потусторонний. Дома горели, а я стояла на окраине деревеньки, у частокола из потемневших заостренных бревен, и прижимала к себе годовалую Незабудку.

Из всего имущества у нас остались лишь носильные вещи, да старый медальон, что с рождения висел у меня на шее. И пока я в растерянности решала, что делать дальше, ко мне подошел местный торговец – зажиточный купец, которого в деревне все за глаза звали Грош. И, блестя глубоко посаженными глазками, предложил мне выход – идти в услужение в его дом. Днями прислуживать его супруге и многочисленным детям, а ночами... То, что я должна буду делать ночами, заставило меня нестись от торговца со всех ног, не оглядываясь и не слушая его злобные выкрики.

Вздыхнув, я вернулась к своей работе, раздумывая, хватит ли денег, чтобы купить продуктов на ужин. Может, все же попросить у Кори монет? Хоть пару медяков. Хозяйка обернулась, словно подслушав мысли своей работницы, и окинула меня недовольным взглядом. Я отвернулась. Просить у Кори в долг бесполезно, это очевидно...

Рабочий день все тянулся и тянулся, хилый огонек лампы дрожал, отбрасывая на пяльцы неровный свет и кривые тени: Кори жадничала и не хотела тратить на магическую лампу. Предпочитала коптить масло. Спина снова затекла, и я потеряла поясницу, выпрямляясь. К счастью, и этот нескончаемый день закончился.

– До завтра, девушки, – попрощалась Кори и даже улыбнулась некоторым. Конечно, я в их число не входила.

Ринка догнала меня уже на улице, придержала за локоть.

– Ух, холодно как, – воскликнула она, прищурившись. – А ты чего без плаща? Одеваться надо, осень ведь! – Ринка рассмеялась, словно сказала что-то веселое, а я промолчала. Все же Ринка – единственная из работниц относилась ко мне хорошо, улыбалась при встрече и болтала в перерывах, так что ссориться с ней не хотелось. Единственный недостаток курносой и жизнерадостной Ринки был в полном отсутствии у нее такта. И еще она была не слишком умна, и, похоже, искренне полагала, что я хожу в дождливую погоду, накинув лишь платок, исключительно по глупости и невниманию. А не от того, что у меня нет теплой одежды. И так же бесхитростно предложила:

– Пойдем в кофейню посидим?

– Прости, Рин, я не могу, – выдавила я извиняющуюся улыбку. – Может, в другой раз?

– Ну как хочешь.

Ринка чуть скривилась, а я подумала, что скоро и эта швея перестанет со мной разговаривать. Какой толк дружить с той, кто никогда не поддерживает компанию, не ходит в кофейню на чашечку ароматного напитка и ничего о себе не рассказывает? Никакого.

Ринка махнула рукой и побежала догонять других девушек, а я свернула в проулок. Здесь дома стояли плотно друг к другу, так, что между облезлых стен с облупившейся штукатуркой оставался узкий извилистый проход, теряющийся в темноте. Идти по нему я боялась, но другого пути все равно не было. Замерла у этого мрачного коридора, торопливо вытащила из кармана осколок зеркала и зажала его в ладони. Прислушалась, настороженно всматриваясь во тьму. Но проход затаился и молчал, не выдавая себя ни звуком чужого дыхания, ни шорохом враждебных шагов.

Я тихо пошла вперед, сжимая острый кусок и готовясь в любой момент ударить. Но этим вечером все обошлось, и со вздохом облегчения я скользнула в дверь черного хода и взлетела по лесенке под крышу дома.

– Лея! – завопила Незабудка, кидаясь мне навстречу и радостно вереща.

– Как ты, милая? – я потрепала малышку по макушке. – Не кашляла сегодня?

– Нисколечко! – Незабудка вытаращила глазенки, показывая, что говорит истинную правду, и я рассмеялась. Девочка же тотчас сунула нос в мою сумку, пытаясь определить, что принесла на ужин сестра.

– Не торопись, – удержала ее. – Сначала руки мыть, помнишь?

– Так они чистые! – заявила Незабудка, вытаскивая из холстины хлеб, что я купила по дороге, и сразу вгрызаясь зубами в румяный бок. – Вкусно!

Я с улыбкой пригладила непослушные кудри девочки и пошла к окну. За створкой в мешке висели оставшиеся продукты, которые я придирчиво осмотрела. Три яйца, пара картофеля, немного молока. Со свежим хлебом получится вполне достойный ужин, а утром накормлю сестру кашей, в мешочке как раз есть немного крупы. А сама перехвачу что-нибудь по дороге на работу. Или подожду до вечера, ничего страшного со мной не случится. Я ведь уже взрослая, вполне могу обойтись без еды. Какое-то время. А вот Незабудке нужно питаться, и по возможности сытно.

Снова погладила сестру по голове, хоть та и не любила подобных нежностей. Отошла к маленькому очагу, согревающему скудное жилище, и повесила котелок. Воды в ведре почти не осталось, значит, придется принести снизу. Но лучше сделать это ночью, чтобы не попадаться на глаза хозяйке, а тем более постояльцам.

– Чем ты сегодня занималась? – спросила я, срезая кожуру с картошки. Стружка получилась тоненькой-тоненькой, почти прозрачной, но даже ее я не собиралась выбрасывать, решив, что кожуру вполне можно пустить на суп.

– Я играла! – важно объявила малышка и широко улыбнулась, показав щербатый рот.

– Играла с куклой? – уточнила я. Сшитая из лоскутков и затасканная до неприличия кукла Пуся была любимой подружкой сестренки.

– Не-а, – Незабудка сверкнула зелеными глазищами. – Я ходила в замок!

Картошка выпала из моих рук и покатилась по темным скрипучим доскам. Я метнулась к сестре и присела перед девочкой, сжала ей плечи.

– Как ходила? Как ты прошла? Я же говорила, чтобы ты не смела, чтобы никогда... Сиера! Как ты могла?! Ты ведь обещала!

Незабудка скривила от испуга рот, и глаза наполнились слезами. Она точно знала, что когда я называю ее по имени, а не привычным ласковым прозвищем, это значит, что я по-настоящему рассердилась. Когда малышка была младенцем, ее глазенки были ярко-голубыми, словно цветы незабудки. Со временем глазки Сиеры поменяли цвет на зеленый, но прозвище так и осталось.

Сестра захлюпала носом, надеясь, что одного этого достаточно, чтобы разжалобить меня, и я перестала ругаться. И обычно это срабатывало. Но только не в этот раз. Я побелела, и мои пальцы на плечах девочки сжались, почти оставляя синяки, до боли. Так что Незабудка все-таки расплакалась уже по-настоящему – от страха и непонимания.

– Но мне было грустно... – завывала она. – Я жду-жду, а ты все не приходишь! Я просто посидела там немного и ушла, вот и все! Совсем капельку! Мне больно!!!

Я рывком убрала руки и закусила губу. Незабудка ревела, уткнувшись в коленки и размазывая по покрасневшему личику слезы.

– Туда нельзя ходить, Сиера! – я сердито отвернулась, не желая поддаваться жалости. И страху. Вскочила, оглядываясь. – Как ты прошла? Отвечай сейчас же!

Я заметалась по крохотной комнатухе, почти задевая головой низкие наклонные балки. Половицы жалобно закрипели от моих тревожных шагов, и я постаралась ступать тише, опасаясь, что потревожу толстого господина, что снимал комнату под мансардой. Но паника уже сжимала горло, страх клокотал внутри, обжигая нутро и не давая успокоиться.

– Как ты прошла, говори! – хрипло выдохнула я.

Незабудка сопела носом и отворачивалась, и я торопливо осмотрела девочку, проверила кармашки и даже заглянула в ботинки со сбитыми носами. Но ничего не нашла. Тогда принялась методично обшаривать каморку, не поленившись поднять и ощупать тюфяк, набитый соломой, лоскутный коврик на полу, и провести рукой по каждой из балок. Я прекрасно знаю,

как искусно моя маленькая сестрица может прятать. Ложка обнаружилась в глиняном горшке, и я, вытащив ее, обернулась к девочке.

– Где ты ее взяла?

– Нашла, – Незабудка снова приготовилась заплакать.

– Не ври мне! – вопль получился громче, чем это позволено безмолвным полукровкам с чердака, и я сжала виски, пытаюсь успокоиться. Оловянная ложка весело поблескивала, отражая желтый свет очага. – Светлая Искра, помоги мне! – пробормотала я, приседая перед девочкой. – Незабудка, послушай, я ведь говорила, что тебе нельзя этого делать, помнишь? – я старалась не кричать, хотя страх сдавливал горло и заставлял сердце испуганно колотиться в груди: мне уже казалось, что стучат на лестнице подкованные сапоги тех, кто придет за нами.

– Посмотри на меня, – я тронула заплаканное личико сестренки и со вздохом вытерла ей слезы платком. – Милая, это не игра, это очень опасно!

– Но почему? – малышка похлопала ресницами, слипшимися от слез и торчащими, словно темные стрелы. – Я ведь просто играю! Я даже никого не видела в замке! Ты говорила, что главное ни с кем не разговаривать!

– Я говорила, чтобы ты вообще не смела туда ходить! – поджала я губы. – Ты точно никого не видела?

– Никого! – Незабудка почуяла, что сестра успокаивается, и подняла голову. – Никого-никогошеньки! – завершила она и даже попыталась робко улыбнуться. – Только котика.

– Кого?! – опешила я.

– Котика, – радостно пояснила малышка. – Но он разговаривать не умеет, он же не человек! Хотя и огромный... Мягкий такой, я его даже погладила...

Я застонала в голос и вскочила, заметалась по комнате, уже не обращая внимания на скрип половиц. Сосед снизу возмущенно стукнул своей тростью по трубе водостока, показывая свое отношение к расшумевшимся нищенкам наверху.

– Да пошел ты, – в сердцах пробормотала я. Недовольный толстяк сейчас был меньшей из моих проблем. – Собирайся, быстро! – бросила я сестре и забежала, скидывая наши скудные пожитки. Малышка так и сидела на полу, со страхом наблюдая, как я мечусь, и прижимая к себе потрепанную куклу. И готовясь снова зареветь.

Я резко встала посреди каморки и сжала виски ладонями. Злополучная ложка сияла и блестела, но топота ног на лестнице слышно не было.

– Ты точно не видела никого из людей? – горячечно спросила я у сестры. Незабудка закивала так, что веревочка вывалилась из косы, и темные волосы рассыпались по плечам малышки.

Я задумалась. Может, пронесло? Или лучше перестраховаться и снова бежать? Куда? Я так устала постоянно скрываться...

– Сиди тихо, – приказала Сиере и взяла ложку, укутала ее в платок. Выскользнула на темную лестницу и торопливо сбежала по ступенькам. Возможные опасности узкого прохода между домами сейчас совсем не волновали – слишком ничтожным казалось и нападение грабителей, и посягательство на девичью честь. По сравнению с тем, от чего мы с Незабудкой прятались, это виделось лишь досадным недоразумением.

Я торопливо шла по ночным улицам, не обращая внимания на прохожих. Пару раз мне свистели вслед какие-то подвыпившие бродяги, но я не обернулась, лишь ниже опустила голову. Одета была более чем скромно, и местные забулдыги, видимо, справедливо решили, что взять у меня нечего, а разгуливающая непогода отбивала желание предаваться плотским удовольствиям. Холодного дождя, от которого мигом промокло платье, я почти не чувствовала, торопясь дойти до реки. За мостом было пусто, и я остановилась, перевела дыхание.

Есть лишь один способ сбить след – создать более сильный. И именно этим я собиралась заняться. Вытащила из платка ложку и всмотрелась в ее выгнутую поверхность. При сла-

бом свете фонаря рассмотрела кусочек своего носа и один глаз, синий, задержалась, фиксируя взгляд и настраиваясь.

Олово в ладони затуманилось, а реальность поплыла. Грязная река затянулась белой пленкой, желтые фонари растаяли, исчезая. И уже через мгновение я стояла в самом прекрасном и самом страшном месте, которое только можно себе вообразить.

Хрустальный замок – так я называла это место. Как оно звалось на самом деле – не знаю, и надеюсь, что никогда не узнаю. Полупрозрачные стены светились багровым светом, словно внутри них текла живая кровь. И сам этот замок тоже был живым и хищным, он наблюдал за незваной гостьей, что посмела явиться сюда.

Я поднялась с пола и снова ощутила знакомое головокружение, какое уже испытывала когда-то. Мне казалось, что я стою на краю бездны, почти парю в пустоте, что еще миг – и полечу, раскинув руки. Взметнусь птицей на самый верх. Туда, откуда льется алое сияние, зовущее меня.

Бесконечный хрустальный зал был пуст, как и в моих воспоминаниях, и я с облегчением перевела дух. Оставаться в этом месте я точно не собиралась, нужно вернуться как можно скорее! Снова поднесла к лицу ложку, порадовавшись, что в этом мире достаточно светло. И уже размывая пространство, увидела того, кого малышка Незабудка назвала «котиком». Я же чуть не завопила от ужаса, увидев это воплощение Тьмы. Огромный черный зверь, с плотными пластинами на мощной груди и боках, которые даже на вид казались непробиваемыми. Его хребет покрывали торчащие иглы, а клыки чуть приподнимали верхнюю губу. Уши короткие, прижатые к голове с темной шерстью. По строению тела он был похож на барса, если бы кому-то пришло в голову заковать барса в шипованную броню и выкрасить в цвет тьмы. Но больше всего меня испугали глаза животного. Ярко-желтые и ужасающе разумные. Всего миг зверь смотрел на меня, а потом одним прыжком преодолел разделяющий нас огромный зал и взмахнул лапой, выпуская когти. И я все-таки завопила, почувствовав, что острое коснулось ноги, разодрав платье. Но тут реальность изменилась окончательно, оставив порождение Мрака в хрустальном дворце.

Я вывалилась в грязь у реки и торопливо вскочила, тревожно озираясь. Но кроме далеких голосов за мостом ничего подозрительного не услышала. Швырнула ложку в воду, надеясь, что течение отнесет ее подальше. Как смогла, отряхнула измазанное, рваное платье и быстро пошла в сторону гостиного дома, в котором ждала сестра.

* * *

Шариссар

Душа на этот раз пришла в образе женщины. Вернее, девушки. Хотя точно судить трудно: Шариссар видел лишь темную фигуру, покачивающуюся возле стены хрусталя. Тонкая до худобы, словно бестелесная оболочка, в черном нелепом одеянии и странных кусках серой тряпки, укрывающей лицо и волосы. Он видел лишь руки – бледные, с длинными пальцами, без украшений. И даже успел удивиться, что на этот раз душа выглядит почти материальной. Интересно, чья она? Духи порой принимают причудливые формы, самому Шариссару больше нравился образ маленькой девочки, что недавно стал появляться в хрустале. Но малышка была совсем призрачной и почти невидимой: похоже, умерла недавно, и дух еще слишком слабый. Но он не воспротивился, когда она попыталась до него дотронуться, сам подставил морду. Бестелесная ладошка легла на черную шерсть, но прикосновения он не ощутил.

Новая душа казалась материальной, Шариссар даже почувствовал запах. Он замер на миг, пригнувшись, а потом оболочка повернула голову. И он увидел ее лицо. И уже не раздумывая, взлетел над полом, рванул к незнакомке, которая затуманилась, исчезая. Рык вырвался из горла паладина, сотрясая хрустальные стены, но гостья уже потеряла облик, ее силуэт

поплыл, словно дым затушенного костра. И все же в самый последний миг он успел зацепить ее лапой, мазнул когтями в бесплодной попытке удержать душу.

Душу?

Шариссар перевернулся через голову и приземлился на все четыре лапы. И поднял одну, приплюхиваясь. На острие когтя осталась красная капля крови. Живой, настоящей, человеческой крови. Паладин втянул ее запах и замер. Закрыв глаза. Очень медленно лизнул. И стал стремительно обращаться.

* * *

Элея

Вода в котелке успела выкипеть, и я застонала, поняв, что совершенно забыла и про воду, и про котелок. Хорошо хоть Незабудка уже достаточно смышленная и погасила огонь в очаге, иначе мы остались бы и без котелка. А то и пожар устроили бы!

Я присела на доски пола, хмуро рассматривая убогое жилище с плесенью по углам и голубиным гнездом за балкой. Силы внезапно закончились, все разом, и я не могла даже собраться, чтобы встать. Но Незабудка смотрела испуганно, боясь даже спрашивать, и пришлось с трудом подниматься на ноги.

– Ничего, ничего, маленькая, сейчас будет ужин.

– А я хлеб съела, – сообщила сестренка, икнув.

– Да я уж поняла, – вздохнула я. – Хоть молока выпей, подожди, нагрею...

Плеснула молоко все в тот же котелок и поставила на угли, не разжигая. Тепла хватит, чтобы жидкость немного согрелась. Несколько дней девочку мучил кашель, и я опасалась, как бы сестренка не разболелась всерьез. Так что пить молоко холодным ей точно не стоит. Наспех сварив яйцо в остатках воды, накормила ребенка и уложила ее на тюфяк, завернув в одеяло. Испуганная сегодняшним происшествием, Незабудка не стала требовать продолжения вечерней сказки и вскоре засопела, обнимая свою куклу. Я же, убрав посуду и остатки продуктов, улеглась рядом, но сон не шел. Перед глазами все стоял страшный черный зверь с желтыми глазами, и это порождение бездны казалось мне сейчас даже ужаснее тех, от кого мы прятались. Я уткнулась лицом в подушку, чтобы своим стоном не разбудить сестренку. И не зная, как избавиться от дурного предчувствия.

Глава 2

Утро началось с бодрого переругивания соседей. Я открыла глаза и минуту полежала, борясь с желанием снова их закрыть и провалиться в желанный сон. Казалось, что лишь на миг смежила веки, а уже наступил рассвет! Несмотря на все опасения, мне ничего не снилось, и черный зверь меня ночью не преследовал. Наверное, я так устала, что провалилась в омут без видений, и, к сожалению, без особого отдыха. Но даром хлеб не раздают, и мне необходимо работать, чтобы прокормить себя и Незабудку. Тихо сползла с тюфяка, ежась от холода и поджимая пальцы на ногах. Хоть спать я легла в теплых носках, к утру все равно замерзла. Воздух на чердаке был затхлый, тяжелый, но холодный, а в щелях под крышей гулял ветер. И, похоже, за ночь еще сильнее похолодало, так что я снова замерзну в своей шали. Я хмурилась, пока одевалась. Нам нужны деньги. Впереди зима, необходимо купить теплую одежду для сестренки, да и я не могу ходить в одном лишь платке. Вернее могу, конечно, но если заболēju, все станет еще хуже. Придется платить лекарю, покупать лекарства... Да и ждать хворую в швейной никто не станет, мигом возьмут на мое место новую работницу. Кори и так спит и видит, как бы заменить полукровку. И хотя я раньше никогда не болела, но все может однажды случиться впервые!

Вздыхнув, привычно повязала на голову платок и покосилась на остатки сухарей и вареное яйцо. Сглотнула набежавшую слюну и отвернулась. Торопливо развела огонь в очаге, прикрыла заслонкой.

– Незабудка, милая, просыпайся.

– Еще пять минуточек, – сонно пробормотала малышка, переворачиваясь на другой бок.

– Вставай, моя хорошая. Надо следить за огнем, слышишь? А то погаснет, и ты замерзнешь. Незабудка! Быстро вставай!

– Ну, Лея...

– Вставай! Я тебе кашу сварила, поешь. И никуда не выходи, поняла меня?

Сестренка сползла с тюфяка, зевая во весь розовый рот и ежась от прохлады. Я накинула на девочку шаль, быстро заплела ей косу и вздохнула. Крохе всего шесть лет, страшно оставлять ее одну. Но и выбора у меня не было, надо идти на работу. Еще раз строго наказав Сиере никуда не выходить, я осмотрела комнатку и вышла на лестницу.

За ночь действительно похолодало, с реки несло сыростью, и на улице это ощущалось еще сильнее, чем на нашем чердаке. В предрассветном сумраке бледно сверкали желтые звезды, а серп месяца покачивался на черных тучах. Красиво, только зябко. Зато ранним утром можно почти не опасаться нападения: к рассвету все местные отщепенцы расползались по своим норам.

Я улыбнулась знакомому коту, что жил по соседству, но тот лишь вильнул хвостом и скрылся в тени дома. Вышла к реке и пошла вдоль нее, рассматривая деревянные перила моста. Этот городок был довольно большим – в маленьких сложнее найти работу, да и все приезжие на виду. А в больших городах легко затеряться: на окраинах всегда проживают разные люди, кто-то въезжает, кто-то отправляется дальше, и никому нет до других дела. И это меня вполне устраивало! Тория всю жизнь вдальбивала в меня страх перед магами, да и ее предсмертные слова я хорошо запомнила.

За мостом уже была дорога, и даже встречались редкие экипажи с ранними путниками. Здесь сновали заспанные торговки с корзинами, что спешили в торговые ряды со своими товарами, булочник заманивал в свою лавку свежим ароматным хлебом, а молочник расталкивал прохожих, торопясь разнести кувшины зажиточным горожанам. Сон слетел с меня, и я пошла веселее, раздумывая, как упросить Кору выдать задаток. Иначе придется расстаться с медальоном, а делать этого ох как не хотелось! Все-таки это единственное наследство.

В швейной уже все собрались, и кивнув приветливо работницам, я скользнула к своему месту в углу. Кора принимала на первом этаже заказчиков, и без ее неодобрительного взгляда работалось гораздо веселее. Я даже принялась мурлыкать себе под нос песенку, довольно рассматривая ровные стежки. Сегодня у меня все получалось, и я посчитала это добрым знаком.

Ринка подседа ближе, сделав вид, что показывает мне прореху в серой мужской рубашке.

– Слышала новость? – блестя глазами, спросила Ринка. Я покачала головой. Конечно, я заметила необычное оживление в швейной – девушки шептались, склонившись друг к другу, но полукровку посвятить в свои обсуждения никто не захотел. И если бы не странное расположение Ринки, я так и не узнала бы того, что обсуждает весь город.

– Сегодня приезжают они, – она ткнула пальцем в потолок и закатила глаза. И задышала тяжело, видимо, показывая свое восторженное отношение к новости. Покосилась на меня, проверяя, прониклась ли, оценила?

– Они? – не поняла я, и Ринка скривилась.

– Они! Ну, они! Маги!

Я промолчала в ответ на эту сногшибательную новость, и Ринка совсем обиделась. Но тут же мотнула головой и посмотрела на меня с жалостью, решив, что полукровка не оценила масштабности сказанного просто по скудоумию. И решила просветить:

– Ну, маги, понимаешь? Светлые! Те самые, всемогущие, из Хандраш! Представляешь?

– И зачем они приезжают? – хмуро спросила я.

– Будут набирать помощниц для хранилищ! – сообщила Ринка с таким видом, словно маги собирались жениться, или как минимум раздавать мешки с деньгами. Я нахмурилась еще больше. Здесь, на окраине Пятиземелья, маги были редкими птицами.

– Сейчас? Но обычно набор происходит весной...

– Мы тоже удивились, да и неожиданно все так. В прошлый раз, когда приезжали, за несколько месяцев уже на столбах магический призыв появился. А в этот раз – лишь сегодня ночью. Эх, даже подготовиться не успею толком!

– Странно это, – задумчиво протянула я.

– Да ты что, это же такой шанс! – возбужденно зашептала Рин, видя, что я ее сообщением не прониклась. – Они же увезут помощниц с собой! Счастливицы будут жить в замке, смотреть на все эти чудеса, да еще и деньги за это получать! Возможно, даже удастся увидеть Искру! Ты представляешь? А там, кто знает, может, прислужница кому из магов и понравится... – швея мечтательно закрыла глаза и растянула губы в улыбке. А я порадовалась, что благодаря этому, Ринка не увидела мою гримасу.

– Я тоже пойду на отбор, – Ринка нервно потерела край ткани, что держала в руках. – Да и все девчонки пойдут, мало ли, вдруг повезет! Надо сегодня забежать в храм, зажечь лампадку у обелиска богов, чтобы помогли! Вот все бы отдала, лишь бы один из магов обратил на меня внимание! Вот полжизни бы не пожалела!

Я промолчала, хотя и вертелся на языке резкий ответ.

– А ты пойдешь? – очнулась девушка.

– Я? Нет, конечно! – И спохватилась: – Меня все равно не выберут, я не слишком искусная швея. Так зачем зря расстраиваться?

– Ну, да, – Рин не стала разубеждать подругу. Осмотрела скептически. – Да еще и твои глаза...

Мы помолчали. Слова были излишни. Будь я даже самой искусной вышивальщицей на земле, кто из магов захочет взять в свой дом синеглазую? Дураков нет.

– Но ты ведь придешь меня поддержать?

– Прости, я, наверное, не смогу...

– Ну, Лея! – Ринка обиженно надулась. – Тебе трудно, что ли? А мне с тобой спокойнее!

Я закусила губу, раздумывая, как поступить. Отказывать Ринке не хотелось. Конечно, ее вряд ли выберут на этих смотринах, и потом она еще долго станет на меня обижаться. А мне здесь и так не сладко, не хватало еще, чтобы и Рин отвернулась. Да и совесть не позволяет отказать в ее просьбе, все же, почти подруга. Вот только Незабудка будет опять сидеть на чердаке одна, ожидая меня.

– Кори ради такого события обещала отпустить всех на два часа раньше, – обрадовала мастерица. – Правда, здорово?

Я кивнула. Значит, у меня есть возможность задержаться ненадолго, надеюсь, Незабудка не сильно обидится. И тут Ринка добила меня самым сногшибательным:

– И Кори сегодня всем выдаст задаток! – с придыханием, наклонившись к самому моему уху, прошептала она. – Вот праздник, да? А после смотрин на площади будут танцы и фейерверк! В прошлый раз, когда маги приезжали, они запустили в небо огромного огненного дракона, Лея! До сих пор помню это чудо, а ведь пять лет прошло! А сегодня даже думать боюсь, что будет! Наверняка нечто потрясающее!

Я невольно вспомнила ледяной замок с прожилками крови внутри хрустальных стен, и вздрогнула. Да уж, потрясающе...

– Так ты со мной пойдешь? – Рин не собиралась оставлять меня в покое.

– Пойду, пойду, – вздохнула я. Все равно ведь не отвяжется. – Надолго мероприятие? Смотрины эти?

– Всего на час! – обрадовалась моему согласию Ринка. И тут же огорченно проворчала: – И что можно за час понять? Вот что? Надо же с чувством, с толком, а они – час! – она фыркнула недовольно и, сетуя на торопливость магов, пошла к своему месту.

И правильно, в любую минуту может заглянуть Кори, а она разговоры на работе не одобряет. Или одна из работниц может потом пожаловаться, что мы болтали. Так что Рин ушла к очагу, но и оттуда продолжала поглядывать на меня заговорщицки и подмигивать так, словно у нее случился нервный тик. Я даже испугалась, что вернувшаяся Кори заподозрит неладное, но хозяйка мастерской была сегодня рассеянной и на работниц почти не смотрела. Да и сами швеи изрядно нервничали, и все их мысли, очевидно, были не о рваных рубашках и брюках, а предстоящих смотринах.

Из шепотков я поняла, что идти на площадь собираются все, кроме старой Марты. Так что лишь она спокойно занималась работой. Остальные ерзали, шептались, поглядывали украдкой на старые часы, стоящие у стены, и с ожиданием косились на Кори.

Я тоже ерзала, хотя у меня причина была другой. Я переживала, права ли Ринка, и выдаст ли нам хозяйка задаток. Если да, то я смогу накормить Незабудку нормальным ужином, а нет – придется бежать в лавку старьевщика и пытаться продать медальон.

О оде я, конечно, подумала зря, потому что в животе настойчиво заурчало, да так громко, что Кори недовольно обернулась.

– Простите, – пробормотала я.

– Нажрут всякой гадости, а потом животом маются, – протянула хозяйка и встала. Я покраснела еще больше и ниже опустила голову. Не объяснять же, что никакой гадости я не ела, хотя сейчас, кажется, слопала бы и подметку от башмака. Старую и жесткую. Можно даже без соли. Живот снова заворчал, видимо, одобряя подметку.

– Нет, это просто невыносимо! – вознегодовала Кори и резко поднялась, зыркнув на меня из-под кустистых бровей. Пожевала губу и нахмурилась. – Как можно работать в такой обстановке? Одна тут животом рычит, другие ерзают! Бездельницы!

Швеи опустили глаза в пол, стараясь не ерзать. Хозяйка нахмурилась еще сильнее, так что две брови почти сошлись в одну.

– Никакого толку от вас!

– Так смотрины же, – робко подала голос Ельга, самая умелая наша мастерица. Ее Кори ценила и даже порой прислушивалась к мнению швеи.

– А вы никак собрались в хранильницы податься? – передразнила хозяйка. Девушки слаженно закивали.

– Вот дуры безмозглые, – в сердцах пробормотала Кори и махнула рукой. – Идите, что уже... все равно никакого толку от вас сегодня!

Девчонки сорвались со своих мест, словно стая гончих, у мутного зеркала на стене сразу образовалась очередь.

– А задаток? – напомнила Ельга, и я вздохнула с облегчением. Кори с недовольным сопением вытащила поясной кошелек и принялась отсчитывать монеты. По пять каждой из работниц. Я протянула ладонь последней, но в мою руку упало лишь четыре звонких кругляша.

– Это не все, – тихо, но настойчиво сказала я.

– Все, что заслужила! – отрезала хозяйка. – И не топчись тут, а то и вовсе передумаю! Ишь, зыркает она своими глазюками! Ты на меня не зыркай, я твоих глазок-то не боюсь!

Я привычно опустила глаза в пол, хоть и успела заметить сложенные щепотью пальцы Кори, и скрыла усмешку. Как же, не боится, но знаки охранные делать не забывает! Хотя что толку, все равно ведь не отдаст мою монету, а ругаться – только на неприятности нарываться. Поэтому я просто развернулась и пошла к выходу, буркнув Ринке, что подожду ее на улице.

Смотреть на толпящихся у мутного зеркала раздумывавшихся и радостно оживленных девчонок не хотелось. Я знала, что хозяйка отпустила работниц и выдала задаток вовсе не по доброте душевной, а потому, что так велит король. Если в какой из городов решат наведаться маги и провести смотрины, то всем хозяевам надлежит отпустить работников заблаговременно.

Смотрины. Я фыркнула презрительно. Название-то какое, словно не прислугу, а невест выбирают! Да ни один маг никогда не посмотрит на простую девчонку с окраины Ардара, как на суженую. Впрочем, мне до этого нет никакого дела, постою в сторонке, пока Рин улыбается этим магам, да отправлюсь домой, к Незабудке.

Я убрала монеты за пазуху, в лиф, и улыбнулась. То ли от ощущения холодных кругляшей, то ли от того, что погода наладилась, и засияло солнце, но настроение значительно улучшилось. Мне даже снова захотелось начать напевать, как я делала всегда в моменты душевного подъема, но в это время по ступенькам слетела Рин, и я присвистнула.

– Ого!

Подруга ярко покрасила губы и щеки, неумело подвела глаза, так что стала похожа на расписную куклу. Да еще и волосы уложила в высокую прическу, подражая картинкам из «Придворного вестника»! На них изображались столичные дамы, и волосы у них всегда стояли дыбом и украшались перьями, цветами и драгоценными заколками. У простой швеи ничего такого, конечно, не было, и она воткнула в голову ветку с пыльным тканевым цветком, что стоял у Кори в приемной. Я зажала рот рукой, стараясь не расхохотаться.

– Рин, ты уверена, что хочешь идти... вот так? – как можно спокойнее осведомилась я.

– Красиво, да? – восторженно завопила подруга и чуть смутилась. – Я впервые покрасилась! Все повода ждала. Хорошо получилось?

– Э-э-э, – промямлила я, не желая обижать доверчивую девушку. – Вроде, ничего...

– Ага! – просияла она. – Прямо как у столичных дам, правда?

– Ну да. Почти. Может... может все же ветка лишняя?

– С ума сошла? – Ринка схватила меня за руку и потащила в сторону площади. – Да я эту ветку еле отвоевала! Ельга на нее с утра глаз положила, но я ее в кладовой припрятала! Умно, да?

– Очень, – вздрагивая от сдерживаемого смеха, выдавила я. Но Ринке и не требовалось мое одобрение: она сияла, словно начищенный медный таз, и как таран перла к площади, туда, куда уже стекались остальные горожане.

Теперь и я поняла, почему с утра царило такое оживление, и даже заметила на объявительных столбах белые таблички, на которых было написано о прибытии в город магов. А для неграмотных – нарисовано. Художник, видимо, был не слишком талантлив, или обладал изрядной долей юмора, потому что картинка больше напоминала карикатуру. На ней был изображен усатый дядька в колпаке, подпирающем звезды и луну, а внизу, у его ног, копошились, словно муравьи, людишки. Наверное, таким образом творец желал подчеркнуть величие магов, но вышло до того смешно, что я расхохоталась. Ринка бросила на меня быстрый взгляд и тоже улыбнулась. На зубах девушки отпечаталась красная помада, словно швея кого-то съела. Но сказать ей об этом я не успела, потому что нас подхватила толпа и потащила к помосту, так что я даже порадовалась, что у Ринки в волосах торчит красный тряпичный цветок, словно маяк. Так был шанс ее не потерять.

В центре площади возвышались мостки, доски заботливо укрыли бархатом и поставили парчовые кресла, которые пока были пусты. Рядом с ними сутился пузатый лысоватый мужчина, судя по одежкам и массивной золотой цепи на груди – местный вельможа. Может даже сам градоначальник. Он беспокойно утирал батистовым платком лоб и что-то нервно говорил своим прислужникам и стражам. Воинов, кстати, тоже было не счесть, хоть в этом и не было нужды, ведь все знают, что магов нельзя убить. Но, похоже, градоначальник решил себя обезопасить. Сами Светлые все не появлялись, и толпа уже заволновалась, устав ожидать.

– Обманули, не приедут! – истерично выкрикнул из центра женский голос, и народ всколыхнулся, как море, зашумел возмущенно.

– Как не приедут? – заорала толстая тетка в белом переднике. – Я что же, зря тут с утра торчу? Кучу покупателей упустила!

– А зачем торчишь, Мира? – меланхолично отозвался мужской голос. – Тебя все равно не возьмут в Хандраш. Им молоденьких да упругих подавай! А ты как перина пуховая, утонуть можно!

– Ах, ты... Да я тебя! – заорала пунцовая от негодования Мира, а мужики захохотали.

Но их дружный гогот оборвал тоненький девичий голос:

– Смотрите, смотрите!

И толпа послушно развернулась и притихла благоговейно.

– Едут? – не понял мальчишка, который пытался выглянуть из-за спин взрослых.

– Летят! – восторженно крикнула толстая Мира.

Я тоже подняла голову, наблюдая приближение магов.

Что и говорить, их появление было эффектным. В чистом небе, словно из ниоткуда, появилась пара хищных крылатых грифонов, описала круг над закинутыми изумленными лицами горожан и опустилась на помост. Из седел легко спрыгнули два молодых человека. Никаких колпаков на них не было, оба в одежде учеников Академии Хандраш, с эмблемой Искры на груди. Оружия у магов я не увидела, даже коротенького кинжала, только на бедре каждого ремнями был прикреплен недлинный стержень с осколком Оракула – усилитель силы. От рассматривания усилителя я снова перевела взгляд на лица молодых мужчин. Оба светло-волосые, светлоглазые, с бледными красивыми лицами. Они встали в центре помоста, один из них поднял ладонь, и грифоны исчезли, словно и не было. По толпе прокатился восторженный вздох. Маги без улыбки рассматривали горожан, и я опустила глаза. Хоть и стояла я так далеко, что меня не было видно, за спинами двух рослых мужиков, и смотрела в щель между ними, но даже случайно встретиться взглядом с одним из Светлых мне не хотелось.

Маги переглянулись. По губам того, что стоял слева, скользнула насмешливая улыбка. Второй откровенно рассмеялся. И мне вдруг стало неприятно, словно смеялись они над нами, над восторженно открытыми ртами простолюдинов и их горящими глазами. Но, возможно, мне это лишь казалось. Горожанам они ничего не говорили и словно чего-то ждали.

Моя догадка подтвердилась, когда лица магов вдруг сделались серьезными и строгими, они выпрямили спины и слаженно повернулись в одну сторону. Горожане тоже устали на пустое место в центре помоста, градоначальник нервно вытер лоснящийся от пота лоб. И тут... Словно лучи света поползли по багровому бархату, стягиваясь в одну точку, и там разлились сияющим полукругом. И сразу на площади стало чуть темнее – казалось, весь свет этого осеннего дня вобрала в себя сфера на мостках. Она вспыхнула, и из нее вышел человек.

Первое, что привлекало внимание – это его волосы. Красные, они были длинные, заплетенные во множество косичек и стянуты сзади в хвост. Ярко-зеленые глаза смотрели так внимательно, словно заглядывали в души. Хотя, вполне возможно, так и было. На нем была светлая рубашка простого кроя, темные штаны, заправленные в голенища высоких сапог, и черная мантия, сколотая на одном плече заколкой с голубым бриллиантом – отличительным знаком Хандраш. А это значит...

– Магистр... – прокатилось по толпе изумленно-испуганное. Пожалуй, больше испуганное, потому что явление одного из магистров Света в этом захолустье на краю Пятиземелья не предвещало ничего хорошего. И каждый из жителей городка поневоле задался вопросом, что ему здесь нужно? А я так и вовсе захотела провалиться сквозь землю и как можно скорее покинуть эту площадь и толпу. Мне уже даже неважно было то, что я нарушу обещание и брошу Ринку – лишь бы убраться подальше отсюда! В то, что Светлые прибыли за прислугой, я уже совсем не верила. К тому же подруга все равно потерялась в толпе, и даже ее торчащего на макушке цветка я больше не видела. Я принялась протискиваться в сторону, незаметно отпихивая плящих на помост и перешептывающихся людей. Но тут над площадью пролетел голос.

Магистр говорил негромко, но его слова словно ветер подхватил и вложил в уши каждого из присутствующих.

– От имени Хандраш и обители Искры – оплота силы и Света нашего мира, приветствую вас, жители Зеленой Низины. Вам выпала большая честь, и сегодня в вашем городе пройдут смотрины. Лучшие мастерицы и самые достойные девушки отправятся с нами в Хандраш. Вы готовы показать нам своих лучших умелиц?

– Да! – крик вырвался слаженно из десятков глоток.

– Хорошо.

Красноволосый снова осмотрел толпу, настороженно всматриваясь в лица. Я присела за здоровым плечистым бугаем, который покачивался, словно в трансе. Или так и было? На лицах людей застыло такое восторженное выражение, что мне захотелось заорать и разбить магию Светлых. Но вместо этого я лишь тихонько пробиралась к выходу, пригибаясь и проползая между людьми, словно собачонка.

– Тогда начнем, – по-прежнему негромко вещал магистр магии. – Каждая из девушек вашего города, не достигшая двадцатой весны и невинная, должна взойти на помост и прикоснуться к кристаллу.

– Как, двадцатой? Как, невинная? – возмутилась Мира. – Они же все пигалицы и ничего не умеют! То ли дело женщины опытные! Как я!

Красноволосый чуть повернул голову, и женщина осеклась, попятилась.

– Я озвучил условия, – не повышая голоса, изрек маг. – Приступаем.

Я мельком глянула на помост. Лучи света свились в кокон, и в воздухе завис сияющий кристалл. Вот это мне совсем не понравилось, потому что он был подозрительно похож на осколок Оракула – даже я знала, как он выглядит. Магический кристалл показывал потенциал будущих магов, его использовали при поступлении в Академию Хандраш. Но выбирать служанку с помощью Оракула? Что за чушь?!

Проклиная Ринку, что потащила меня сюда, а особенно себя – за глупость, я заработала ногами с удвоенной скоростью. Главное выбраться с площади, а там понесусь так, что никто

не догонит! Заберу Незабудку, и прочь, прочь из этого городишки, отправлюсь на север или за перевал, туда магам хода нет. Светлая Искра, ну почему я сразу туда не отправилась? Почему, почему... Денег не хватило, вот и застряла здесь...

Размышляя подобным образом, я добралась до края площади, вздохнула радостно, и тут же путь мне преградили два стражника.

– Куда?

Я сделала расстроенное лицо.

– Ой, не подхожу я, – залепетала, не поднимая своих разноцветных глаз. – Так надеялась, так надеялась... Но уже двадцать две весны встретила! Так что пойду, пожалуй...

– Не велено покидать площадь до ухода магов, – хмуро процедил усатый страж. – Никому, это приказ!

– Так что же мне тут стоять без толку? – возмутилась я. – А дома у меня ребенок голодный! Пропустите, а?

– Не велено! – грозно повторил мужчина.

– Ну, пожалуйста, пустите, – заканючила я, лихорадочно кося глаза в поисках выхода. И с ужасом понимая, что его нет. Ох, не зря градоначальник нагнал на площадь всю городскую стражу! Да что здесь происходит?! – Пустите, дяденьки! – заныла, подражая местному говору. – Девочка у меня, малолетка, голодная, холодная... Тьфу-тьфу! А я все равно господам магам без надобности, стара для них! Вы же слышали, им только молодой подавай!

– Слышал, а как же! – страж недовольно сплюнул, и я порадовалась, что он не попал на мой ботинок. Но мужественно стерпела и не отодвинулась. – Как будто нам самим девицы не пригодятся! – пробурчал он.

– Вот-вот, – поддержала я и понизила голос до шепота. – Слухи ходят, что не для прислуживания девушек на риф везут...

Стражи переглянулись и слаженно посмотрели на помост, куда уже тянулась вереница ярко одетых девиц. Каждая из них поднималась, замирала на миг в круге света и дрожащей рукой прикасалась к кристаллу. Маг отрицательно качал головой, отверженная кандидатка ударялась в слезы, но покорно уходила с мостков. И тут же ее место занимала следующая.

Я торопливо отвернулась. У них свой путь, у меня – свой.

– Пропустите? А то голодная...

– Холодная, слышали уже, – усмехнулся страж. – Ладно, иди, только тихо.

Я от радости чуть не кинулась его обнимать, но опомнилась и бросилась к узкому проходу между домами, по которому можно было добраться до торговых рядов. А оттуда уже и до моего чердака рукой подать! Но стоило моей ноге коснуться края площади, как узкий луч света преградил мне путь. Он ударил меня в грудь так, что я отлетела и упала на спину, ударившись о телегу, которая непонятно зачем здесь стояла.

Луч света отполз, расширился, и возле меня возник один из светловолосых магов. Он презрительно смотрел, как я пытаюсь подняться, не делая попыток мне помочь. Потом щелкнул пальцами, и меня вздернула в воздух невидимая рука, словно нагавившего котенка. Я задержалась, пытаюсь освободиться, но мои носки еле-еле доставали мостовую.

– Орган, не надо пугать девушку, – мягкий голос магистра испугал меня куда больше, чем выходка молодого мага. Невидимая рука меня отпустила, и я снова едва не шлепнулась на булыжники мостовой. Но все же удержалась и с гневом уставилась на мужчин. Опомнилась и опустила глаза, но, увы, поздно. Красноволосый приблизился и приподнял мне подбородок, всматриваясь в разноцветные глаза.

– Полукровка, – он не спрашивал, а утверждал.

– У меня есть допуск на проживание в Пятиземелье, – пробормотала я. Магистр чуть улыбнулся, не убирая руки, а мне захотелось попятиться. Но я лишь упрямо сжала зубы и уставилась в его глаза, зеленые, словно весенняя травка.

– Разве я спрашивал тебя про допуск? Это меня не волнует, – равнодушно протянул он. – Но мне интересно, почему вы, юная особа, не пожелали участвовать в смотрах?

– Я не подхожу по возрасту! И по другим требованиям... – я постаралась не стучать зубами и не отводить глаз, хоть и очень хотелось.

– Вы зря решили врать тому, кто служит Искре, – так же равнодушно оповестил магистр, и мне стало совсем дурно.

– Я... я... я просто не хочу! Совсем не хочу в Хандраш! Я пришла просто из любопытства, но уже ухожу! Отпустите меня...

– Ты сможешь уйти, если кристалл тебя отвергнет, – спокойно ответил красноволосый. И сделал жест рукой, словно приглашая пройти на помост.

Я в отчаянии огляделась. Горожане смотрели на меня, некоторые – с недоумением и любопытством, большинство – со злостью. Словно гневались, что грязная полукровка расстроила великих магов своей глупой выходкой. Я распрямила плечи и высоко подняла голову. Терять все равно нечего – как бы ни сложилось, в этом городке я не задержусь. И все, о чем я просила Искру, пока шла к мосткам – это чтобы загадочный кристалл меня не принял.

На помосте я споткнулась, увидев сияющую и довольную Ринку. Она чуть притоптывала ногой и улыбалась во весь рот, тряпичный цветок потерялся, и теперь в ее волосах красовалась голая палка. Но такая мелочь подругу не волновала. Рядом с Рин стояла Ельга. Она тоже посматривала в толпу торжествующе, хоть и более сдержанно. И третья девушка тоже была из нашей мастерской, Полина, совсем молоденькая и молчаливая, она выглядела скорее испуганной, чем довольной. Я мысленно застонала. Все три девушки, выбранные кристаллом, мне знакомы. Вряд ли это хороший знак.

Я несмело приблизилась к сияющему куску хрусталя и протянула ладонь. Была не была! Тронула, и прозрачный камень покраснел, словно налился кровью. Лишь на миг, но этого было достаточно, чтобы я поняла – все пропало.

– Оракул тебя принял, – подтвердил мои опасения маг. – Отойди в сторону и ожидай.

Спотыкаясь, я подошла к Рин, и та схватила меня за руку, склонилась к уху:

– Счастье-то какое, Лея! А ты идти не хотела! Всю жизнь теперь меня благодарить будешь, что я тебя уговорила! Боги к нам сегодня добры, не зря я целый крох на свечи потратила! Повезло! Ты рада?

– А то, – мрачно согласилась я. – Прямо до одури.

– Странная ты какая-то, – удивилась подруга, и тут ее осенило: – От радости сама не своя, да?

– Угу, – еще мрачнее подтвердила я. – Прямо не знаю, как в себя прийти!

– Тихо вы! – шикнула на нас Ельга, и мы послушно примолкли.

Смотрины длились, пока все девушки подходящего возраста не взошли на помост и не коснулись кристалла. Неугомонная Мира тоже попыталась подняться, но перед ней словно выросла невидимая стена, и женщина ударилась об нее лбом. Толпа разразилась хохотом.

Больше камень не покраснел ни разу, и магистр поднял ладонь, извещая, что смотрины окончены. Он повернулся к молодым магам, и молча посмотрел каждому в глаза. Те склонились в поклоне. Лучи света собрались в центре, и магистр исчез, даже не попрощавшись. Второй светловолосый маг развернулся к горожанам и раскинул руки. С его ладоней слетела золотая пыль, ее подхватил ветер, и в вечернем небе расцвели изумительные цветы, полетели птицы, пронеслись единороги... Там возникали сказочные звери – живые, объемные и красочные, и люди хлопали в ладоши и кричали, славя Хандраш и магов. Про четырех девушек на помосте все словно забыли.

Пока парень развлекал публику, Орган повернулся к нам.

– Каждой из вас я надену кольцо, – сказал он. – Утром оно перенесет вас к пределам рифа. У вас есть время, чтобы собраться и попрощаться с близкими. Вещи берите только самые

ценные, вас обеспечат всем необходимым. Понятно? – девушки кивнули и заулыбались, одна я стояла, нахмурившись. Маг посмотрел на меня и усмехнулся. – И кстати, снять кольцо невозможно. И убежать тоже. Когда взойдет солнце, оно перенесет вас к рифу, где бы вы ни находились.

Я ответила мрачным взглядом.

– Протяните руки.

Он вытащил маленькую коробочку с простыми металлическими ободками и надел колечко на палец каждой избранной.

– Ах, словно суженой! – просияла простодушная Ринка. И я порадовалась, увидев, как вытянулось лицо мага.

– Свободны, – прошипел он, отворачиваясь.

Девчонки тут же побежали в толпу, к родным и знакомым, я тоже сошла с помоста и направилась к домам. Любоваться праздником я точно не собиралась.

Глава 3

До нашего чердака я добежала за двадцать минут. Улицы городка опустели – все были на площади, восторгались искусством магов. Я взлетела по узкой лесенке и принялась торопливо собирать вещи. Незабудка вылезла из своего «домика», который она снова соорудила из одеял.

– Милая, мы уезжаем, – запыхавшись, бросила я девочке. Вытащила из сумки булку, которую предусмотрительно купила в лавке по дороге. – Вот, поешь, а я пока вещи сложу.

– А куда мы поедem? – блестя глазенками, спросила сестра. Я порадовалась, что она у меня такая покладистая. Или просто привыкла к нашим постоянным переездам? Вдохнула, сворачивая пожитки в наплечный мешок.

– Пока не знаю... Подальше отсюда.

– У тебя колечко новое? – Незабудка застыла, не донеся булку до рта. – Покажи!

– Чтоб ему провалиться, этому колечку, – пробормотала я, с досадой глянув на тусклый ободок. Конечно, покинув площадь, я первым делом попыталась его снять. Но безрезультатно. Украшение не давило и не мешало, но сидело на пальце, словно приклеенное! Палец покраснел и распух от того, что я дергала кольцо, но избавиться от ободка так и не удалось. Но ничего! Я сбегу туда, где даже маги до меня не доберутся!

Выдохнула, чувствуя, как колотится сердце. Все же я не была уверена в том, что собиралась сделать. Но выбора у меня не было.

С сожалением пересчитала оставшиеся монеты и спрятала их подальше. Потом одела Незабудку, завязала тесемки на ее плащике.

– Малыш, мы сейчас очень тихо спустимся по лесенке, а потом побежим, поняла меня? Молчи и ни о чем не спрашивай. Ясно, Незабудка?

Девочка радостно кивнула. Кажется, сестричка решила, что у нас намечается приключение. Я быстро вытерла мокрой тряпицей ее мордашку, испачканную повидлом и хлебными крошками.

– А от кого мы убегаем? – шепотом спросила девочка.

– Ото всех, – прошептала я, воровато покосившись на дверь. – Но для начала от нашей хозяйки. Платить за чердак нам, к сожалению, нечем...

– Получается, мы пираты? – сообразила Незабудка и улыбнулась. Сказки о пиратах ей нравились больше других.

– Можно и так сказать... – я тихонько выглянула за дверь. Никого. Я надеялась, что хозяйка дома тоже ушла на площадь, как и все горожане. Все-таки не так много в городке развлечений, чтобы пропустить приезд магов и представление. – Главное ни звука, Незабудка!

Малышка поняливо кивнула и деловито прижала к себе куклу. Мы спустились по лесенке и, пригибаясь, чтобы нас не увидели из окон, пробежали по узкому проходу между домами. Каждую минуту я ожидала гневного окрика и вопля «держи воровку!», но все было тихо, только соседская кошка проводила нас взглядом. Конечно, хозяйка поднимется на чердак, как только вернется, ведь она наверняка видела меня на площади и придет требовать плату. Но я понадеялась, что представление ее задержит.

Через полчаса мы добрались до реки и пошли чуть медленнее. Малышка довольно рассматривала окрестности – нежданная прогулка ее, очевидно, радовала, в отличие от меня. К счастью, на причале тоже было пусто, только дремал в лодке старик, и я вздохнула с облегчением. Боялась, что и лодочник ушел на праздник, тогда пришлось бы возвращаться к дороге, а это означало потерять время. И не зря я торопилась. Уже на середине реки я увидела, что на берег выскочила женская фигура, а с ней две мужские. Женщина орала, потрясая кулаками, мужики всматривались в воду.

– Чего это они? – подслеповато прищурился лодочник.

– Огорчаются, что на переправу не успели, – хмыкнула я, опознав в женщине хозяйку чердака.

– Так можно вернуться, – оживился старик, почуяв выгоду.

– Куда? – возмутилась я. – Мы уже почти у другого берега! А я тороплюсь!

– Эх, надеюсь, дождутся... – пробормотал лодочник.

– Да куда им деваться, – обнадежила я. – Другой дороги через реку Низинку все равно нет. А в объезд – это день пути!

– И то верно, внученька, – важно кивнул старик. – Придется меня дожидаться!

Я тоже порадовалась этому обстоятельству. Незабудка перевесилась через борт лодки, рассматривая рыбок, и я за шиворот втянула ее обратно.

На берегу я громко посетовала, что до ближайшего городка, Лароса, куда мы направляемся, целый день пути, расплатилась и пошла в указанном направлении. За деревьями редкого леска остановилась. Лодочник уже усаживал в свою утлую посудину дородную торговку с корзиной яблок и в нашу сторону не смотрел. Поэтому я свернула с основной дороги и двинулась вглубь леса. Заблудиться я не боялась. Лес всегда подскажет направление, выведет на верный путь. Я шла, закинув на спину мешок со скудными пожитками и посадив на закорки Незабудку, подвязав ее платком. Так было быстрее, чем если бы малышка топала своими ножками.

Темнеет осенью стремительно, и я торопилась, не обращая внимания на уже ноющую спину и усталость. Главное добраться до лесной сторожки, пока ночь окончательно не опустилась на Низинки. И когда я уже начала сомневаться и озираться, испугавшись, что заблудилась, мы почти уткнулись в темные, покрытые мхом бревенчатые стены приземистой сторожки. Весной я случайно нашла ее, когда пыталась набрать в лесу кислой, еще не созревшей земляники. И вот теперь лачуга пригодится нам для ночевки.

– Заходи, – я спустила с плеч Незабудку.

– Заколдованный домик! – девочка восторженно захлопала в ладоши и заглянула внутрь. – Фи, воняет.

– Добрая фея нарочно напустила здесь такой запах, чтобы отпугнуть троллей, – пояснила я Незабудке, осматривая узкую комнатку. Лежанка в углу была сырой, но с одеялом и плащом – сойдет. Жаль, что нельзя развести огонь в очаге – дым могут заметить. Зато есть стены и крыша, защищающие от мелкого дождика, который начался к ночи.

Я накормила малышку и даже поиграла с ней. Потом рассказала сказку о нашей лачуге, на ходу сочиняя историю и пытаясь уложить Незабудку спать.

– Малыш, засыпай, нам рано вставать.

– А утром мы снова поплывем на лодочке?

– Нет, милая, – я помолчала. – Утром мы пойдем в хрустальный замок.

– Но ты же говорила, что туда нельзя ходить!

– Нельзя. Но мы ходим всего один раз. По очень важному делу. Поняла меня? Ты будешь стоять рядом и ни на шаг от меня не отойдешь, Незабудка! Обещай!

– Клянусь Искрой! – торжественно объявила девочка, а я снова вздохнула, приглаживая ее торчащие вихры. Сестренка все-таки уснула, утомленная множеством новых впечатлений. А я лишь прикрыла глаза. Спать я не собиралась, опасаясь пропустить восход. Но убаюканная мирным сопением малышки и темнотой не заметила, как задремала...

* * *

Проснулась внезапно, еще не понимая, что меня разбудило. Может, предчувствие или плохой сон?

Осторожно положила сестру на лежанку, потеряла затекшую от неудобной позы руку. Тихо встала, прислушиваясь. И вздрогнула, уловив далекий собачий лай. Сердце сжалось и забилось

испуганно. Почему-то я даже не сомневалась, что идут по мою душу. А ведь так надеялась, что хозяйка не станет искать сбежавшую полукровку из-за пары медяков! Неужели она решила, что раз меня выбрали маги, то можно стрясти побольше?

Время было предрассветное, даже без хронометра, я чувствовала приближение зари. Надо торопиться.

Уже не опасаясь, я вытащила из кармана единственную огневку и зажгла ее. Маленькая палочка будет гореть лишь несколько мгновений, но этого хватит, чтобы поджечь сложенные в очаге веточки. Огневки дорогие, но я не пожалела, что когда-то купила ее. Возможность быстро развести костер, без утомительного трения, иногда дорогого стоит.

Но сейчас меня интересовало не тепло очага, а свет. Потому что перейти в замок во тьме я не смогу. Собачий лай раздавался все ближе, слышались крики.

– Сторожка лесника! Девчонка там!

– Смотрите, дым... Ну, я ей покажу, воровке! Душу вытрясу!

Мужские голоса перемешивались с визгливым женским, но я старалась не слушать, только бросила быстрый взгляд на толстую ветку, которой с вечера подперла дверь.

– Они точно здесь! Проклятые полукровки!

– Говорил тебе, выкини девчонок на улицу...

– Открывай!

Я прижала к себе сонно моргающую Незабудку.

– Лея? А что, уже утро?

– Да, милая, – я выхватила из кармана свой осколок зеркала и размотала тряпицу, в которую он был завернут.

– Значит, мы идем в замок? – обрадовалась сестра.

– Да, Незабудка. Мы идем в замок...

Я всмотрелась в стекло. Чем лучше отражение, тем легче переходить. В разгорающемся свете очага я смотрела на свое лицо в мутноватом зеркале. Бледное лицо, кстати, с всклокоченными волосами и красными от недосыпа разноцветными глазами. В дверь заколотили, кажется, ногами...

– Держись за меня, – приказала я малышке.

Реальность поплыла, туманясь, и когда дверь рухнула под напором мужских сапог, мы с Незабудкой упали на хрустальный пол замка.

* * *

Здесь все было так, как я и запомнила: полупрозрачные стены, внутри которых тянулись красные кровяные прожилки, потолки такие высокие, что их почти не было видно. Глянцевый черный пол с золотым орнаментом, образующим какой-то рисунок. Я потрясла головой, потому что после перехода всегда немного кружилась голова, и поднялась на ноги. Незабудка вскочила еще раньше и теперь нетерпеливо подпрыгивала.

– Лея, а пойдем посмотрим, что там за дверью? Может там волшебные феи? Или единороги? Или даже... дракон? Ну пойдем, ну Лея!

– Стой на месте! – строго одернула я и испуганно оглянулась. Как ни страшно было приходить сюда, но куда еще я могла сбежать, чтобы Светлые маги до меня не дотянулись? Я закинула на спину свой мешок и взяла Незабудку за чуть липкую ладошку.

– Молчи и иди тихо, поняла?

– А долго мы здесь будем гулять? – громким шепотом спросила девочка.

– Нет. Недолго. Надо переждать рассвет.

– А зачем?

– Незабудка, помолчи. И не топай.

Малышка насупилась, потому что ее просто распирало от желания болтать и прыгать, но все-таки послушалась. Мы шли по хрустальному залу, вслушиваясь в темноту. Шли без цели, просто потому что сидеть на месте мне было слишком жутко. Здесь царил полумрак, лишь сверху лилось алое сияние. Дошли до высокой золотой арки и осторожно выглянули.

- Фи-и-и, – разочарованно протянула Незабудка, – еще один зал! А где дракон?
- Надеюсь, спит в пещере, очень далеко отсюда, – пробормотала я себе под нос.
- Ну и ладно, – неожиданно покладисто согласилась Незабудка, – зато котик пришел!
- Котик? – похолодела я.
- Ну да! Вон же он!

Очень медленно, так медленно, чтобы успеть выдохнуть и не заорать от ужаса, я обернулась. «Котик», а точнее жуткий черный хищник, стоял у стены, почти сливаясь с мраком. Его голова была прижата к полу, а хвост нервно подрагивал. Мощные лапы напряжены перед прыжком.

- Мамочки, – прошептала я, задвигая за спину Незабудку.
- Котик! – радостно крикнула девочка и бросилась к зверю.
- Стой! – я заорала так, что эхо прокатилось по хрустальному залу, и кинулась ловить шуструю непоседу. Иногда малышка бывала удивительно проворной и такой быстрой, что я с трудом за ней поспевала. Вот и сейчас она так стремительно преодолела расстояние до стены, где стоял зверь, что я догнала ее, когда Незабудка почти его коснулась. – Сиера!

Я схватила девочку и, снова запихнув ее себе за спину, принялась пятиться, не сводя глаз с черного зверя. Шаг назад, и хищник делает мягкий, почти неуловимый шаг вперед. Я – еще шаг, и он повторяет. Я еще, он – снова. Словно играя с нами.

- Лея, я хочу погладить котика! – звонко и радостно заявила Незабудка.
- Молчи! – шикнула я, не оборачиваясь. Зверь чуть приподнял губу, показав длинные острые клыки, способные легко оторвать наши глупые головы. Еще шаг назад.
- Хороший котик, хороший, – забормотала я, не слишком вдумываясь в смысл того, что несу, – красивая киса...
- Пушистый! – добавила Незабудка.
- Да-да, пушистая, добрая киса! Киса не тронет двух маленьких невкусных девочек, правда? Ведь киса совсем-совсем не голодная...

«Киса» остановилась и склонила голову, рассматривая нас. Потом зверь сел, обвил лапы хвостом и снова склонил голову.

- Вот и умница, – еще ласковее залепетала я. – Очень умный котик не будет преследовать нас, правда? А мы сейчас тихонечко уйдем...

В зале стало чуть светлее, и я рассмотрела и шипы на хребте зверя, и острое жало на кончике хвоста. Что же это за хищник? Может, его здесь держат вместо сторожевого пса? Никогда таких не видела... Все так же отступая, без резких движений и крепко сжимая ладошку шумно сопящей Незабудки, я бросила быстрый взгляд на стены замка. Они посветлели. А это значит, что и в этом мире наступал рассвет. Еще немного, и нам можно будет возвращаться. И уповать на то, что хозяйка чердачной комнатухи с напарниками уже покинули лесной домик, увидев его пустым. Потому что возвращалась я всегда на то же место, из которого ушла.

Еще пара шажочков...

Зверь лениво поднялся, сделал одно гибкое, неуловимое движение и оказался в полушаге от нас. Мы с Незабудкой слаженно вскрикнули. Я – испуганно, малышка – радостно. Ее эта игра с «котиком» веселила.

- Давай еще раз! – обрадовалась девочка.

Луч света пополз по стене, пробежал через черную плиту пола и коснулся моих ботинок. Я отпрыгнула от него, как от заразы, но было поздно. Руку с кольцом обожгло, и тусклый

металл засветился. Реальность завибрировала, закручиваясь, и меня неудержимо начало затягивать в эту воронку.

– Незабудка!

Я рванулась, подхватывая девочку на руки, а черный зверь молнией метнулся ко мне и вцепился клыками в ногу, когда я уже провалилась в пространство.

Упала я на траву и закрыла глаза от потока утреннего света. Полежала, прижимая к себе сестру, потом неуверенно разомкнула веки и села. Застонала, потому что рядом обнаружился все тот же зверь, причем его клыки стискивали мой ботинок, правда, лишь держали, а не вспарывали кожу.

– Отпусти! – рявкнула я. Зверь моргнул и, к моему удивлению, разжал пасть. Рыкнул недовольно и отошел в сторону. А я встала, спустила Незабудку с рук и осмотрелась.

– Да чтоб этих магов слизняки сожрали, не смогли переварить и выплюнули недожеванными! – в сердцах бросила я, потому что уже поняла: кольцо сработало и вытащило меня даже из замка. Незабудка захихикала, и я строго посмотрела. – Не вздумай повторять! Поняла меня?

– А мы где?

– Судя по всему – на рифе, – мрачно сообщила я.

– А риф – это что? – заинтересовалась малышка.

– Это отвратительное место, где живут самые отвратительные существа этого мира, – еще мрачнее бросила я.

– Тролли? – обрадовалась Незабудка.

– Маги. Хотя лучше бы тролли.

Черный зверь, про которого я уже почти забыла от расстройства, издал низкий рык, и мы с сестрой слаженно подпрыгнули. Я попятилась, хватая за руку Сиеру.

– Ну прости, – забормотала я «котику», – я не виновата, что ты меня за ногу схватил. Сейчас попробуем вернуться! Только не рычи!

Зверь не рычал и даже не приближался, сидел спокойно, лишь с силой вытягивал воздух – принимаясь. Я посчитала, что такое поведение – хороший знак, очевидно, что есть нас он не собирался. Может, он не ест людей? Или просто не голодный?

– Сейчас, сейчас, – забормотала я, торопливо доставая осколок зеркала. – Незабудка, сюда иди.

Сестра подошла, и даже зверь приблизился, склонил голову, словно с интересом. Я же уставилась на свое отражение, ожидая привычного размытия реальности.

– Ну давай же, давай... – в отчаянии бормотала я, до рези в глазах всматриваясь в осколок. В подробностях рассмотрела свой испачканный лоб, нос, губы, глаза – синий и зеленый, снова лоб... Но реальность не двигалась, и переход не открывался. – Не получается! – я отбросила осколок и потеряла лицо. – Не знаю, почему! Вот же немытая пасть орка! Незабудка, не повторять!

Встала, прикусив от расстройства губу и размышляя, что делать дальше.

– Лея, я есть хочу! – напомнила о себе сестрица, так что я развязала мешок и вытащила оттуда лепешку и сыр. Покосилась на черного зверя, которой все так же сидел рядом.

– Ну, что смотришь? – нахмурилась я. – Не могу я в твой замок вернуться! Сама не отказалась бы. Уж лучше туда, чем в Хандраш. – И, подумав, кинула на траву кусочек лепешки, рассудив, что лучше хищник съест мой завтрак, чем меня. Но зверь лишь фыркнул, не пожелав принимать угощение, и гибко поднялся. Его шипы втянулись в кожу на хребте, а жало исчезло в кончике хвоста. Даже пластины словно втянулись, и теперь зверь походил на дикого барса. Только черного.

– Не хочешь – как хочешь, – сказала я и подобрала нетронутую лепешку, сдула с нее травинку и с удовольствием съела. Сыр оставила для Незабудки, но и без него было очень вкусно. Зверь смотрел, склонив голову.

Вокруг нас расстиралось мирное поле с желтыми цветочками. Где-то вдали темнели очертания гор. Легкий ветерок изредка приносил соленый запах, незнакомый мне, а в целом пейзаж был весьма спокойным. Даже тянуло растянуться на травке и полежать, рассматривая плывущие облака. Только жарко в пуховом платке.

– Лея, а почему здесь лето? – дожевывая, спросила Незабудка.

– Потому что маги не любят мерзнуть, – проворчала я. – Поэтому на рифе всегда лето. Давай, милая, доедай и пойдем.

– Куда?

– Куда-нибудь. Должно же здесь быть еще что-нибудь, кроме травы и цветочков.

– Может, хоть здесь есть дракон? – с надеждой подпрыгнула Незабудка. – Ну хоть малюсенький?

– Ох, милая, вот дракона я как-то не опасаюсь. Идем уже.

Но уйти мы никуда не успели, потому что пучки света возле нас стянулись в одну точку, и из искрящейся лужицы вышел светловолосый парень. Тот самый, что позорно «подвесил» меня на площади в Низинках.

– Как вас сюда занесло? – голос у него был недовольный, маг хмыкнул, осмотрев меня. – Все девушки уже на месте, а тебя все нет! Еле нашел! Почему ты с ребенком и зверем? Детей и домашних животных в Хандраш не принимают!

– Потому что это моя сестра, и без нее я никуда не пойду, – сразу нахмурилась я и крепче сжала ладошку Незабудки.

– Но на рифе нет детей! – парень окинул девочку хмурым взглядом и постановил: – Ее надо переместить обратно в ваши грязные Низинки!

Вокруг его ног снова начали собираться лучики света, а я прижала сестру к себе.

– Незабудка останется со мной! Я сюда не просилась, и вы не смеете нас разлучать! Слышите? К тому же... – я лихорадочно вспоминала слова мага, – мне было велено взять с собой самое ценное! А ничего ценнее у меня нет!

Он нахмурился и задумался. Понятно, что принимать меня в Хандраш вместе с девочкой маг не желал, и у меня мелькнула шальная надежда, что он и вовсе вернет нас в Низинки. Ободренная этими мыслями, я придвинулась к черному барсу, который все еще сидел рядом.

– И зверь тоже со мной! Я без них никуда!

Парень пробурчал что-то недовольное, а я почти возликовала, мысленно умоляя его отказаться от моей кандидатуры. Уже хотела поведать про свой вздорный характер и совершенную никчемность в вышивании, но маг вдруг кивнул, принимая решение.

– Хорошо. Мне велено доставить вас в Хандраш, дальше уже наставники разберутся. Наберите воздуха и шагайте в круг света.

Я сникла и расстроено посмотрела на сестру. А так надеялась, что не возьмут...

– Живо! – поторопил парень. Так что мне ничего не оставалось, кроме как закинуть на спину свой мешок, поднять на руки Незабудку и войти в лужицу света. Черный зверь шагнул следом, и я покосилась на него. Почему он увязался за нами, я не понимала, но думать об этом было некогда.

Глава 4

Второй раз мы перенеслись ближе к подножию гор, и черные скалы с хрустальными пиками возвышались уже совсем рядом. И еще здесь сильнее был запах соли и чего-то пряного, неизвестного мне.

– Чем это пахнет? – не выдержала я, выходя из круга и отпуская сестру.

– Морем Искры, конечно, – презрительно хмыкнул маг, а я прикусила язык. Чем же еще? Но откуда мне было знать, как пахнет море? Я его никогда не видела. И не нюхала.

– Лея! Ну наконец-то! Светлая Искра, кто это с тобой?

Я обернулась на голос и чуть смущенно улыбнулась Ринке, которая сидела на земле и вскочила при нашем появлении. Ельга и Полина тоже были здесь, первая отвернулась, даже не кивнув, а вторая помахала рукой, с опаской посмотрев на барса. Возле ног девушек лежали объемные тюки с вещами.

– Это моя сестра, Незабудка, – вздохнула я, – а это... – покосилась на черного зверя, прикидывая, как его назвать. – Это... Ну... это... Просто зверь!

Зверь повернул голову, в желтых глазах вертикальный зрачок сузился до тонкой, почти невидимой линии, и оскалил клыки, словно желая сожрать. Я отодвинулась подальше. Но думать о нем было некогда.

– Все в сборе? – маг обвел нас недовольным взглядом, перебив меня. – Меня зовут Ортан, я непосвященный маг и уполномочен доставить вас в Хадраш!

– А что такое непосвященный? – простодушно влезла Ринка.

– Молчать, когда я говорю! – недовольно блеснул светло-голубыми глазами Ортан. Но потом все-таки пояснил: – Во мне есть Свет, но он еще не разгорелся, и посвящения у Искры я еще не прошел.

Ринка кивнула и открыла рот, чтобы еще что-то спросить, но расположение мага на этом закончилось.

– Хватит болтать, отправляемся. До Хандраш два дня пути, свои вещи несете сами, конечно – вас предупреждали, что нужно брать самое ценное.

– А мы что, пешком пойдем? – возмутилась Ельга. – А как же летающие грифоны? Или волшебная колесница? Ну или хотя бы вот эта ваша светящаяся лужица? Нельзя как-то по-волшебному перенестись? Чтобы ногами не топать?

– Нельзя, – отрезал Ортан. И проворчал: – Тоже мне, важные персоны, на грифоне захотели... А ну, шагайте!

Бывшие швеи взвалили на спины огромные тюки, и я порадовалась, что у меня нет вещей. Зато теперь у меня имелся довесок в виде черного барса. Зверь все так же скользил рядом, не опасаясь людей. А вот девушки смотрели на него с ужасом и старались держаться подальше.

– Лея, кошмар какой, откуда он? Я таких даже на картинке не видела! Неужели из полосы Сумрака?

Я покосилась на барса.

– Оттуда, – кивнула я.

А что, хороший вариант, сразу все вопросы отпадут. Там и не такие звери водятся. И никто не удивится его необычному виду, Сумрак – и этим все сказано. Кстати, может, тот замок действительно сумеречный? Вполне возможно, там ведь места неизученные, страшные и губительные. Возле зоны Сумрака никто не живет, лишь стражи границ несут свою тяжелую службу.

– Зачем ты его держишь? – громкий шепот Ринки прервал мои размышления. – Вдруг сожрет ночью? У него же клыки!

– Котик хороший! – обиженно выкрикнула Незабудка и дернула котика за хвост. Зверь угрожающе оскалился, от чего девчонки завизжали, маг схватился за жезл, на котором загорелся кристалл, а Незабудка зашлась веселым смехом.

– Сиера, прекрати, – я оттащила сестру от барса и успокаивающе подняла руки. – Все хорошо, это они так играют! Не волнуйтесь.

– Убогая, что с нее взять, – фыркнула Ельга, поднимая свой тюфяк. – Полукровка ведь. Вот и не дружит с головой.

– Чтоб тебя слизни сожрали и, подавившись, выплюнули! – звонко пожелала девушке Незабудка.

Я зажала ей рот рукой, стараясь не расхохотаться, но не удержалась и хмыкнула.

– Милая, я же просила не повторять!

– Как только этой неумехе ребенка доверили! – возмутилась Ельга и демонстративно отвернулась. Ринка за ее спиной скорчила рожицу и подмигнула Незабудке, а Полина хихикнула.

– Хватать болтать, ногами шевелите! – оборвал нас Ортан. Потом сложил руки и плавно приподнялся над землей, так что носки его сапог зависли над молодой травкой. И так и поплыл вперед, не касаясь земли. Мы, к сожалению, магией наделены не были, и поэтому тащились на своих двоих. К обеду солнце поднялось высоко, тени сжались в точки, а Незабудка устала и расхныкалась. Я какое-то время несла ее на плечах, потому что двигаться достаточно быстро малышка, понятно, не могла. Но к полудню я заметно устала, да и остальные тащились все медленнее. Ринка повязала на голову платок, чтобы солнце не напекало, Полина согнулась, как столетняя старушка, одна Ельга шла молча и прямо, хотя и покраснелась от жары.

Я уже давно отстегнула рукава и порадовалась, что одета так удобно – в платье до колен, простое и серое. Теплые чулки и шаль я тоже сняла и теперь опасалась, что натру ноги грубой кожей ботинок. Но полотняных тонких чулок у меня не было, так что приходилось терпеть.

С Незабудки я стянула курточку, оставив девочку в платьице.

– Во всем мире уже конец осени, прохлада, а здесь солнцепек, – проворчала Ринка, утирая пот. – Нельзя приглушить солнце как-нибудь? Или ветерок наколдовать?

Ортан на наши стенания не отреагировал, просто завис, внимательно рассматривая местность. Ничего интересного в ней не было, обычный пейзаж – поля да скалы в отдалении.

– Привал, – объявил маг и плавно опустился на землю. Девчонки же просто попадали на траву, скидывая свою поклажу.

Ортан простер руки над землей, зашептал что-то, и пространство дрогнуло, поплыло, а через миг на поляне появилась холстина, накрытая всякой снедью. Мы восторженно ахнули, а Незабудка захлопала в ладоши:

– Волшебник! Лея, дядя – волшебник!

– Да, милая, – улынулась я чуть смущенно.

Маг лишь снова презрительно хмыкнул и отвернулся.

– На еду и отдых – час, к вечеру мы должны пересечь плато и спуститься в долину. Там заночуем.

– Пресветлая Искра! – восхитилась Ринка, подползая ближе к накрытому «столу». – Вот это да! А говорите, что непосвященный! Столько еды наколдовали!

– Я ничего не колдовал, – недовольно пояснил Ортан. – Я лишь переместил еду сюда из Хандраш. Там накрывают походные холстины для таких случаев, а моей капли Света хватает для переноса. Только и всего. Наколдовать из ничего может только истинный и посвященный маг. Это очень трудно.

– А нельзя нас тоже переместить? В Хандраш. – Ельга тоже подошла ближе.

– Только если в виде бекона, – поджал губы маг и отошел в сторону. Есть с нами он, похоже, считал ниже своего достоинства.

Ельга дернула плечом и замолчала. Я вопросов не задавала и молча сооружала для Незабудки обед, накладывая на лепешку все подряд: сыр, холодное мясо, ломтики помидора и листья салата. И когда девочка вгрызлась зубками в это великолепие, так же молча начала делать лепешку с начинкой для себя. Я давно поняла, что пока есть еда – надо есть. Никогда не знаешь, как быстро она закончится. А вопросы я и потом успею задать.

Барс принялся к нашему провианту, фыркнул и, развернувшись, умчался на скалы.

– Куда это он?

Я пожала плечами.

Честно говоря, меня это не волновало. Зверь хоть и вел себя смирно, но не переставал быть зверем, и меня это соседство тревожило. Я всю дорогу косилась на него, опасаясь, что он проголодается и нападет, может, от этого и тащила Незабудку на плечах. Кто знает, что у хищника на уме? Поэтому сейчас я лишь обрадовалась и понадеялась, что барс не вернется.

Девчонки тоже не разговаривали, молча поглощая пищу. Всех угнетала перспектива и дальше тащиться по раскаленному плато.

– Как-то по-другому я представляла дорогу в Хандраш, – пробурчала Ринка. – Думала, мы полетим, чудеса там всякие! А мы плетемся, как попрошайки на тракте. Никакого волшебства.

– Зато мы идем в самое красивое место на земле, – тихо вздохнула рядом Полина.

– Откуда ты знаешь, что оно красивое? – проворчала Ельга. – У тебя есть знакомый маг, чтобы рассказать?

– Да, – неожиданно подтвердила Полина. Мы уставились на нее во все глаза.

– Что, правда? Ты знакома с магом?

– Мой брат наделен Светом, – не поднимая глаз, ответила девушка. – Он уехал в Хандраш шесть лет назад, в Академию. И стал боевым магом. Он присылал нам письма, что сами летели по воздуху и даже под дождем не мокли. И писал, что это необыкновенное место, очень красивое.

– А ты ни разу не рассказывала, – с легкой обидой протянула Ринка.

– Арамира отправили в зону Сумрака, он ведь боевой маг. А оттуда писать нельзя...

Полина отложила недоеденную лепешку, поднялась и ушла к скалам, за низкие деревья. Мы проводили ее взглядами.

– Как же, боевой маг, слушайте больше, – проворчала Ельга. – Наверняка в младших прислужниках бегают, вот и стыдится семье написать. Вот будет братцу сюрприз, когда эту дурочку увидит!

– Прекрати, – тихо сказала я. Все знали, что означает «отправили в зону Сумрака». Боевые маги регулярно пропадали на границе. Или погибали. И порой родственники годами ждали от них известий.

– Ой, у кого это голос прорезался? – насмешничала Ельга. – Я и не знала, что ты говорить умеешь!

– Не только говорить, – я в упор уставилась в лицо девушки. Раньше я всегда голову опускала и в глаза старалась не смотреть, но здесь опасаться уже нечего. И Ельга сразу замерла, сложила торопливо пальцы в охранном жесте.

– Проклятая! – прошептала она испуганно. – Не смотри! Отвернись, говорю! Еще беду приманишь...

– А ты за языком следи, я на тебя и не посмотрю, – отозвалась я, потянувшись за еще одним куском мяса.

От непривычной сытости неудержимо потянуло в сон, мягкая травка так и манила прилечь. Незабудка уже растянулась рядом, скинув свои ботинки, и я не стала ее ругать. Пусть отдохнет, пока есть возможность. Но только собралась присесть рядом, как от кустов раздался дикий вопль Полины, а следом – нечеловеческий рык.

Первой мыслью было, что черный барс все же решил нас сожрать, и начал с самой упитанной, но я быстро поняла, что ошибаюсь. От деревьев в нашу сторону неслась Полина, а за ней... Такое чудовище я видела только на картинках в своей любимой книжке. Извивающееся, склизкое, с короткими отростками-лапами и хвостом-обрубком, с чешуйчатыми наростами на бочкообразном теле. Их называли кохрами. Когда-то они тоже выползли из Сумрака, а потом расплодились на земле. Слизни питались мхом, но вот задавить своим телом могли запросто.

Орган вскинул руку с жезлом.

– Бегите! – закричал он.

Ельга и Ринка со всех ног бросились выполнять, я толкнула за ними Незабудку и обернулась.

– Еще один!

Слева в сторону мага двигался такой же монстр, и справа тоже... Я заколебалась, не зная, что предпринять. Понимала, что нельзя упускать такой случай, что надо хватать Незабудку и со всех ног нестись отсюда подальше, прятаться, а если найдут – можно сказать, что ополоумела от страха. Но только вид мага, стоящего на поляне, одного против нескольких чудовищ, не давал мне уйти. Даже я понимала, что его капли Света не хватит для борьбы со слизнями – они окружали парня со всех сторон.

– Чтоб вас всех зловонная гхара забрала, – с отчаянием пробормотала я, отпихнула Незабудку. – Беги к Ринке, милая, быстро!

А сама бросилась обратно к магу, на ходу подбирая булыжник и швыряя в морду одного их чудовищ. Попала. Кохр повернул голову в мою сторону, подумал и снова пополз к Органу.

– Ах, так?! – Я подобрала камень побольше, благо, здесь их было полно, и снова швырнула. На этот раз булыжник впечатался в бок чудовища. Но он лишь дернул хвостом, не обращая на меня внимания, и продолжил двигаться к магу.

Я озадаченно перевела взгляд с подрагивающего массивного хвоста чудовища на парня со вскинутыми руками и вдруг поняла:

– Капля Света! Их манит свет! Орган, вы слышите меня? Уберите свет!

Он то ли не слышал, то ли не счел нужным прислушаться к словам какой-то полукровки, поэтому все еще пытался поразить монстров своей магией. Я бросилась к парню, кувырком поднырнула под хвост одного кохра, перекатилась, вскочила за спиной Органа и повалила его на землю. Он вскрикнул, но не устоял, свалился, и капля Света погасла на его жезле.

– Идиотка! – заорал маг. – Они же нас сожрут!

Он снова вскинул руки, зажигая свет, но я навалилась на мага всем телом, не позволяя этого сделать и стараясь не думать, что будет, если я ошиблась. Парень пытался меня скинуть, но я уцепилась за его одежду, а ногами обхватила бедра, словно древесная обезьяна.

– Слезь с меня, ненормальная! – пыхтел Орган, пытаясь выползти из-под меня и ругаясь. – Чокнутая, дрянь такая, пошла вон!

Горячее зловонное дыхание опалило наши лица, и мы застыли, не двигаясь, так и замерев в нелепой позе – Орган на земле, я – на нем. Кохры зависли над нашими телами, шумно приплюхиваясь. Склизкие отростки тронули мое плечо, оставляя влажный след, и я дернулась от отвращения. Словно лизнул... И чудовище, недовольно заворчав, отползло в сторону. Я очень медленно подняла голову и скатилась с мага, села на траву. Все кохры уходили в лес, покачивая своими толстыми хвостами.

– Они же из Сумрака, – стушевавшись пояснила я. – Вот свет их и приманил. А людей кохры не едят.

Орган тоже поднялась, окинул меня хмурым взглядом. Но если я ждала благодарности, то сильно ошиблась. Потому что маг первым делом на меня наорал.

– Ты проявила своеволие, Элея, и не послушалась моего приказа! Я доложу о твоём поступке, поняла? Еще и испачкала... всего! Ненормальная!

Я лишь рукой махнула, коря себя за глупость. Надо было бежать со всех ног, а не пытаться спасти наглого мага. Зачем только я это сделала? С тоской осмотрела свой потрепанный вид: платье в земле и траве, волосы растрепались, а на руке слизь от языка кохра. Отвратительно!

Вздохнув, я поднялась и пошла искать Незабудку. Барс сидел на скале, почти слившись с черным камнем, и внимательно наблюдал.

* * *

Лиария

Она была здесь, и ее здесь не было. Тьма везде и нигде. Лиария задумалась и соткалась из темноты в женскую фигуру, шагнула ближе к зеркалу, всматриваясь в свое лицо. Хотя было ли это лицо ее? Тьма способна принять любую форму.

Она тронула ледяную поверхность кончиками пальцев, и они провалились в стекло, словно в вязкое желе.

– Еще раз, – приказала она.

Мутная белесая дымка внутри зеркала завилась в спирали и развеялась, очищаясь. Лиария снова увидела хрустальный зал и своего паладина, застывшего в прыжке. Мощное черное тело с литыми мышцами, оскаленная пасть, иглы вдоль хребта. И две фигурки на полу – одна женская, вторая детская. Кусочек прошлого, застывший в хрустале.

Лиария прикрыла глаза.

Шариссар знал, что королева рядом, когда прыгал в портал Светлых. Он всегда чувствовал Лиарию. Ведь в нем было больше тьмы, чем в ком-либо из всего Оххарона. Возможно даже больше, чем в самой королеве. В этот раз он снова проявил своеволие, приняв решение без ее разрешения.

Посылать в Пятиземелье Нортон уже не имело смысла, Высший паладин Мрака сам найдет Отражение.

Королева отвернулась от зеркала и разлетелась стайей черных птиц. Вылетела в окно и снова соткалась в фигуру уже на самой высокой башне Оххарона, возле огненного Сердца. Оно пульсировало, билось, окунаясь в черную кровь, что питала его. Жертвы еще дышали, обездвиженные черной магией, умирающие, но все еще надеющиеся на спасение. Это всегда удивляло королеву. Суть человека – надежда, они до самого последнего вдоха верят во что-то лучшее, даже если разум упрямо твердит, что выхода нет, люди – верят. Так странно.

Лиария прошла по краю бортика, закинула голову, рассматривая кровавые линии. Нить Шариссара дрожала, натянутая, словно струна. Она вела туда, куда не было ходу никому из проклятых. Мягко улыбнувшись, Лиария тронула эту нить и резко разорвала. Отголосок боли паладина кольнул кончики ее пальцев, и королева снова улыбнулась.

Шариссар своеволен. Но он никогда не предаст Оххарон.

Лиария прошла босыми ногами по краю чаши. Ее белоснежное платье плыло в черной крови, не пачкаясь, словно лилия на воде. Королева склонилась над мужчиной, лежащим с краю, и нежно коснулась ладонью его лица. Он распахнул глаза – серые, кажущиеся темными на бледном лице. Это был один из Светлых, захваченный во время последнего сражения. Света в нем почти не было – обычный страж границ, даже не боевой маг. Разве что красивый. Лиария желала видеть у чаши лишь самых достойных.

– Ведьма, – выдохнул мужчина, а Лиария рассмеялась.

– Ты боишься смерти, человек? – пропела она и слизнула каплю крови из пореза на его шее. – Не бойся. Твоя будет приятной...

* * *

Элея

К вечеру мы вышли на утоптанную дорогу, и идти стало легче. К тому же солнце уже клонилось к горизонту, а не пыталось нас поджарить, так что мы даже повеселели. Орган больше не летел, а, как и мы, шел по земле, демонстративно отвернувшись.

Я подошла ближе.

– Слушайте, я тут вспомнила, что вы колечки свои снять забыли, – похлопала я ресницами, изображая простушку. – Вы бы забрали, а то вдруг потеряю? Знаете, я все теряю, прямо ничего мне доверять нельзя! Иголку в швейной – и то сто раз теряла, а тут колечко. Дорогое, наверное?

Маг поджал недовольно губы, покосившись на меня. И ответил, видимо, лишь от того, что и ему было скучно целый день молчать.

– Узел с вас снимут только в Хандраш, – бросил он.

– Узел?

– Кольцо. Оно завязано на вашей ауре, потому и узел, – снисходительно пояснил он. – А то вдруг потеряетесь по дороге, где я вас искать буду? А узел всегда приведет к любой из вас.

Я сникла, хоть и старалась не показать вида, что расстроилась. А я так надеялась ночью улизнуть! Дождаться, пока все уснут, и потихоньку сбежать, сжав в охапку Незабудку! А теперь выясняется, что это проклятое кольцо держит меня на привязи.

– Ой, а оно мне давит! – застонала я, дергая палец. – Размерчик не мой! Вот смотрите, прямо палец распух! Снимите, а? Я не потеряюсь, вот Светлой Искрой клянусь! Я вообще от вас ни на шаг! Палец-то как болит, ааа!

– Ну, значит, останешься без пальца, – обрадовал Орган. – А снять я все равно не смогу, не я завязывал узел, а магистр Райден.

– Никакого толка от вас, а еще маг называется! – не удержалась я от возмущения и ушла к девушкам, перестав дергать свой измученный палец. Парень проводил меня ошарашенным взглядом, а я прикусила язык. Конечно, нельзя так разговаривать со Светлыми, но уж очень я расстроилась. Как ни ужасно, но, очевидно, придется идти в Хандраш и пытаться сбежать уже оттуда. Я вздохнула, усаживая на плечи задремавшую Незабудку.

Иногда я видела черного барса – он по-прежнему следовал за нами, хоть и держался на расстоянии. Порой мне казалось, что он хромает, а раз даже почудилось, что у него из пасти идет кровь, но, скорее всего, лишь показалось.

К ночи мы спустились в долину и уже в темноте подошли к дому. Увидев впереди стены и крышу, девчонки чуть ли не завизжали от радости: мы уже всерьез переживали, что ночевать придется под открытым небом. Хотя меня такая возможность не пугала, но вот воспоминание о слизнях как-то отбивало всю охоту. Да и Незабудке нежелательно спать на сырой земле, еще простудится. Так что я тоже обрадовалась, когда мы приблизились к жилищу.

С виду оно напоминало обычный путевой дом, им и являлось. Но поразило меня не это. В светлом зале уже сидели на лавках с десятков девушек, все с тюками, и, очевидно, тоже проводившие день в пути. Нам навстречу шагнул светловолосый парень – тоже маг, тот самый, что запускал в воздух волшебных зверей.

– Орган! Мы вас уже заждались, – воскликнул он. – Почему так долго?

– Негасимой Искры тебе, Арви, – ухмыльнулся Орган. – А задержался я, потому что вот эту ненормальную узел через горы перетащил. Пришлось искать.

– Ого, странно, может, она в вихрь попала? Хотя там, вроде, не было сегодня волнений пространства. А ребенок что здесь делает?

Оба мага уставились на нас с Незабудкой, и я крепче прижала к себе уснувшую девочку и насупилась.

– Сейчас расскажу, – пообещал другу Орган, и обернулся к нам, застывшим на пороге: – Ну, что встали? Ужин вам подадут, располагайтесь. Или вам особое приглашение надо?

Мы смутились и бросились в зал. Девушки на лавках потеснились, поглядывая на новеньких с легким любопытством. Через несколько минут толстая подавальщица принесла котелок с кашей, поставила на стол. Тарелки нам раздали, и из общего котла ужин мы уже черпали сами. Незабудка проснулась, почуяв запах еды. Сами маги вышли за дверь, видимо, для беседы.

– А вы откуда будете? – доброжелательно спросила маленькая толстушка, сидевшая напротив.

– Из Зеленой Низины, – улыбнулась я.

– Да? А мы из Тростниковой Низины! – обрадовалась она такому совпадению.

Девушка с толстой рыжей косой приподняла удивленно бровь, переглянулась с подружками.

– А нас в Гнилой Низине набрали, – сказала она.

– И меня в Низине! – хмыкнула кареглазая смуглая девушка, похожая на жительницу пустыни. И добавила задумчиво: – У нас поселок – десять домов, названия даже нет, только жители между собой кличут Низинкой, потому что внутри сопки. И магов мы там сроду не видели, а вот на днях – появились. И кольцо мне надели: я одна в селении незамужняя да молодая.

– А ну, хватит разговаривать, – прикрикнул на нас вернувшийся Орган. – Доедайте, убирайте столы и спать! Тюфяки вдоль стен лежат. На заре дальше отправимся.

Мы притихли, удивленно переглянувшись. А я нахмурилась. Получается, что маги отобрали молодых девушек из поселений, в котором было слово «Низинка»? Странно. Кареглазая тоже сидела, задумавшись, ковыряя ложкой в тарелке.

– Не нравится мне это, – тихо пробормотала она.

– Перестань, мы же в Хандраш идем! – напомнила Ринка. – Тут радоваться надо! Смотри, а то передумают маги тебя с собой брать, и отправят обратно в твою Низинку! В три дома у сосны!

– Да я и не против обратно, – хмуро бросила кареглазая. Ринка обиженно насупилась и ушла отвоевывать тюфяк, а я подседа ближе.

– Я тоже не горю желанием в Хандраш ехать, – тихо поделилась я с девушкой. – Только маги моего желания не спрашивали. Меня зовут Элея, а это Незабудка.

– Тисса, – представилась кареглазая. – Вам что сказали, когда отбирали?

– Что набирают помощниц для хранительниц Искры, – прошептала я. – Только условия странные выдвинули: возраст, и чтобы нетронутой была...

– Вот-вот, – кивнула головой Тисса. – Мой отец это как услышал, так побелел весь от негодования. Где это видано, чтобы прислугу по таким качествам отбирали? Ни умения не смотрели, ни искусность в ведении хозяйства...

– Это все потому, что готовят нас не в прислуги, – подмигнула рыжеволосая. Обвела всех таинственным взглядом. – А в жены!

– Да уж, жди, – фыркнула Тисса.

– Не хотите, не верьте, – оскорбилась рыжая. – А я вот себе жениха уже присмотрела! – она томно вздохнула и стрельнула глазами в сторону Органа, что стоял у стойки. – Молодой, красивый, глаза – словно небо летнее! – с придыханием пропела девушка. – Вот вернусь домой через год с таким мужем, все девчонки обзавидуются!

– Ты вернись сначала, – хмуро бросила Тисса. Отодвинула тарелку и пошла за тюфяком. Подумав, я отправилась следом.

Сестра снова задремала на моих руках, и я решила, что и мне не мешает поспать. Что бы ни готовила дальше судьба, а встречать ее подарки лучше со свежими силами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.